

Рецепт идеального волшебства

Нинель Нуар

ЛИШНЯЯ С ИЗЪЯНОМ

Спаси себя. Изменить мир.

Рецепт идеального волшебства

Нинель Нуар

Лишняя. С изъясном

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нуар Н.

Лишняя. С изъясном / Н. Нуар — «Издательство АСТ»,
2023 — (Рецепт идеального волшебства)

ISBN 978-5-17-153687-9

В королевской семье и радость, и горе. Родились двойняшки – неслыханное дело! Одна из них, похоже, больна. Что ж, ей прямая дорога в пансион при монастыре, а там, глядишь, и постриг примет... А моя проблема в том, что я – в теле той самой, больной сестры. И я категорически не собираюсь проводить остаток жизни в молитве и покаянии! Скорее наоборот...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153687-9

© Нуар Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

• Глава 1 •	6
• Глава 2 •	15
• Глава 3 •	23
• Глава 4 •	30
• Глава 5 •	37
• Глава 6 •	44
• Глава 7 •	51
• Глава 8 •	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Нинель Нуар

Лишняя. С изъясном

© Н. Нуар, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

● Глава 1 ●

Автокатастрофу, разделившую мою жизнь на до и после, я помню смутно.

Устав после занятий балетом, я дремала на переднем сиденье, как вдруг сквозь сон услышала папин голос. Он орал такие слова, которые я если и слышала, то точно не от него, и даже не подозревала, что он их знает.

Распахнув в изумлении глаза, хотела спросить, что случилось, и увидела практически перед собственным носом заслонивший весь мир бампер грузовика.

Дальше темнота.

Когда очнулась в больнице, одним из первых посетителей оказался следователь. От него я узнала, что водитель-дальнобойщик – как это, увы, довольно часто бывает – заснул за рулем.

Нам просто не повезло.

Особенно не повезло моему отцу и дальнобойщику – оба скончались на месте.

Я отделалась ушибами, ссадинами и сотрясением мозга. Большую часть ссадин получила, когда меня горелкой вырезали из искореженной машины. Отец в последнюю секунду успел вывернуть руль, подставляя водительское сиденье под удар и закрывая меня собой.

Только после следователя ко мне в палату допустили семью. Мама – стройная, статная женщина, которую всегда принимали за мою старшую сестру, – за эти два дня поседела, осунулась и выглядела даже старше реального возраста. Четырнадцатилетний брат тоже как-то повзрослел и как взрослый мужик поддерживал мать под руку – ее шатало.

– Доченька, как же это...

Мама мешком осела на постель рядом со мной и разрыдалась. Мои щеки давно уже жгло – ссадины на лице от слез горели даже под бинтами. Брат обошел постель и присел с другой стороны.

– Катька, ты держись, – тихо пробормотал он. – Главное, ты живая и здоровая. Прорвемся.

Я благодарно стиснула пальцы Ромы. Сама я себя здоровой и живой не чувствовала. Болело все, в основном душа. Не верилось, что папы больше нет.

Меня продержали в больнице неделю. За это время папины коллеги успели благополучно переписать на себя его долю в бизнесе. Мама в прострации подписывала все не глядя, а брат ходил в школу и следить за ней двадцать четыре часа в сутки не мог. Да и кому пришлось бы в голову следить за взрослой, вроде бы разумной женщиной?

Когда я наконец-то попала домой, у нас не осталось практически ничего. Личный счет отца и квартира, ипотеку за которую он, по счастью, уже выплатил в прошлом году.

Все.

Моя счастливая, сытая и размеренная жизнь закончилась.

Началось выживание.

С мечтой учиться на врача пришлось распрощаться еще до того, как я определилась со специализацией. Заначка, оставленная папой, таяла на глазах, от маминой преподавательской деятельности прибыли не было от слова «совсем», скорее, одни убытки. А еще младший брат требовал покушать, желательно три-четыре раза в день.

Закончив за полгода курсы терапевтического массажа, я пошла в салон подрабатывать. Не в тот салон, где натурой берут, а в нормальный косметический салон. Антицеллюлитные процедуры, обертывания, массаж лица я постигала уже там, на месте. С наставницей мне повезло – Лидия Ивановна полжизни проработала врачом-косметологом в Первой кремлевской поликлинике, ушла под сокращение, когда на пенсию пора было. Ну а у нас разве на пенсию проживешь? Вот и нашла себе подработку возле дома.

Платил салон хорошо, постоянные клиентки, не сумевшие втиснуться в плотное расписание, периодически просились неофициально, на дом. Свою спальню я оборудовала под массажный кабинет, поставила профессиональное кресло-лежанку, набрала аппаратуры. Все окупилось уже через несколько месяцев.

И все было бы почти хорошо, если бы не проклятые сны.

Когда я в первый раз увидела принцессу, не вспомню. В какой-то момент стало ясно, что обычные сны с полетами над городом и сферическими конями в пальто остались в прошлом, до аварии.

Теперь по ночам я вселялась в тело младенца.

Новорожденные спят помногу. Поначалу меня это не напрягало: ну, всякая ересь людям снится – почему бы и не видеть себя во сне в роскошной спальне замка, обставленной под восемнадцатый век? Не худший вариант.

Со мной во сне постоянно находилась одна женщина, как я поняла, кормилица. Иногда приходили мужчина и другая женщина в расшитых золотом и драгоценными камнями одеждах. Натуральные король и королева. Почему-то они грустнели, глядя на меня-принцессу, а женщина иногда плакала.

Несмотря на это, я даже немного возгордилась. Ни много ни мало, а я целая принцесса во сне!

Младенец рос, спать стал меньше, и у меня начались проблемы.

Во-первых, других снов я по-прежнему не видела. Смотреть всю ночь напролет, как я ору и писаю в пеленки, не имея возможности даже повлиять на происходящее, откровенно начинало меня нервировать.

Во-вторых, у меня получалось бодрствовать, только когда принцесса спала. То есть часов восемь-десять в день. И еще час-другой ночью. Сутки в моем сне были устроены наоборот: когда в реальном мире наступало утро, там заходило солнце. Это уже не просто на нервы действовало. Я на самом деле забеспокоилась о своем психическом здоровье.

Походы к психиатру не помогли. Диагноз он мне поставить затруднялся, но таблетки прописал. Я их через несколько недель выбросила. Эффект они нужный давали – сны как отрезало. Но и высыпаться я перестала: поутру вставала, будто мешки с цементом всю ночь грузила, а днем сама себе напоминала несвежего зомби. И жила в прежнем режиме, то есть изменений особо никаких, одни побочные эффекты.

Лучше уж смотреть, как мне пеленки меняют, честное слово.

Незаметно пролетел год, и я поняла, почему король и королева так грустнеют, глядя на меня. Пришла пора ребенку, то есть мне-во-сне, научиться ползать и ходить, только вот не получалось. Левая сторона тела практически не работала. Ручка прижималась к груди в полусогнутом состоянии, ножка тоже скрючилась и не слушалась принцессу. Даже глаз левый видел чуть хуже, хотя, возможно, мне это всего лишь казалось: он все время был полуприкрыт.

Поискав в интернете, я поставила своему сну диагноз – детский церебральный паралич. Не в самой тяжелой форме, но для того времени, что я наблюдаю, – конец восемнадцатого, начало девятнадцатого века – практически неизлечимое явление. Методику Бобата-Войта изобретут только в середине двадцатого – принцессе она еще не поможет. Не говоря уже о хирургических вмешательствах.

Ко мне иногда заходил местный врач. Солидный пузатый дядька с пышными пушистыми усами мне не понравился сразу. Он даже не осматривал толком ребенка – поводил надо мной руками, пробормотал что-то себе под нос и отрицательно покачал головой.

Королева, присутствовавшая при осмотре, снова зарыдала. Усач выдал ей успокоительное, передал меня кормилице и был таков.

Нужно отдать должное родителям принцессы: попыток они не оставили. В комнате принцессы перебивало не меньше дюжины докторов. Все они сначала водили, а потом разводили

руками. Иногда я чувствовала некое покалывание, как проходящий сквозь тело слабый разряд статического электричества. Раз два на периферии зрения во время осмотра вокруг меня возникало золотистое свечение.

Так я впервые столкнулась с магией.

И она перед ДЦП оказалась бессильна.

Но я же собиралась в свое время учиться на врача и клятву Гиппократу успела вызубрить наизусть. Как ни бредово казалось пытаться вылечить собственное воображение, я решила попробовать.

Чтобы помочь принцессе из сна, мне сначала нужно было научиться управлять ее телом. Контролировать сновидения я умела с детства, только вот этот сон был каким-то неправильным. И тело ребенка мне не подчинялось категорически, занятое своими важными делами: какало, орало и пыталось переворачиваться.

Из-за проблем с моторикой – безуспешно.

Я пробовала и так и эдак: в разное время суток, когда принцесса ела, отдыхала или увлеченно играла кубиками. Сидеть у нее с грехом пополам получалось, хоть она и заваливалась все время на левый бок.

Однажды я попробовала завладеть телом сразу после моего засыпания и ее пробуждения. И это наконец-то сработало!

Когда у меня получилось пошевелить воображаемыми пальцами, я даже рассмеялась от облегчения. Про себя, разумеется. Дальше пошло легче. Делать самой себе расслабляющий массаж и тянуть зажатые сухожилия гимнастикой было не очень сподручно, но альтернативы не было. К явному удивлению окружающих – в особенности того неприятного усатого врача, оказавшегося штатным дворцовым целителем, – принцесса вскоре поползла, а к трем годам и встала на ножки. Прихрамывала, конечно, и шаталась, когда левую коленку сводило спазмом, но упрямо продолжала тренироваться. Я теперь не всегда вмешивалась – у принцессы и собственной упертости хватало с избытком.

Под влиянием снов я даже пошла на заочные курсы. Хоть на полноценного врача, как мечтала, у меня выучиться не получилось, но диплом физиотерапевта я за пять лет получила. Практики мне не доставало за неимением времени, но разные методики я освоила. И традиционные – вроде лечебной физкультуры и массажа, и не очень – типа иглоукалывания. Многие вещи стали для меня настоящим открытием, в особенности когда я прошла курс повышения квалификации по теме китайской народной медицины. Это же сколько точек только на одном ухе, отвечающих за разные органы!

Колоть саму себя я во сне, конечно, не стала. Так, для общего развития изучала. Очень оказалась интересная профессия, и для массажного салона пригодилось. Теперь я разнообразила услуги, добавив акупунктуру и расслабляющие процедуры по индийскому образцу.

Воняло, правда, потом очень сильно по всей квартире. Мама ругалась, так что часто я такие услуги не оказывала. Только когда ее не было дома.

Да, я так и осталась жить с мамой. Брат в двадцать три обзавелся семьей и съехал, но иногда появлялся, скидывал на нас дочерей-погодок. Образование он моими стараниями и нервами получил приличное, работал на не последней должности в одном столичном банке и неплохо зарабатывал.

У меня же как-то с личной жизнью не заладилось. Отношения серьезные были. Целых полгода. Мы подумывали съехаться, но постепенно до него дошло, что я не притворяюсь сонной большую часть дня, а на самом деле сплю две трети суток. Он ушел, обозвав меня на прощание психованной сомнамбулой, а я поставила крест на мужчинах.

Изредка заводила отношения, ненадолго, чисто для здоровья, чтоб там все мхом не заросло. Дольше месяца старалась не затягивать, а то начинала привязываться, что было чревато плачевными последствиями для хрупкого девичьего сердца.

А потом у меня во сне обнаружилась сестра.

* * *

Когда я подросла и меня-во-сне начали выпускать из комнат – погулять за ручку с кормилицей и няньками в саду, например, иногда нам на пути встречалась такая же процессия из четырех взрослых и ребенка – девочки моего возраста.

Только она была абсолютно здорова.

Меня поспешно оттаскивали в сторону, чуть ли не пряча за спинами нянек, и с поклоном пропускали ту, другую, девочку. Сестра оказалась моей практически точной копией, если не брать в расчет цвет: у нее на щеках полыхал здоровый румянец, а волосы искрились медово-янтарным золотом – с моей вечно бледной кожей и пепельно-белыми волосами я казалась рядом с этой девочкой альбиносом.

Она шествовала гордо и плавно, как и положено принцессе, и я особенно остро чувствовала собственную ущербность.

Или принцесса чувствовала, а я с ней за компанию? Я-то сама прекрасно знала, насколько целеустремленна и сильна духом та, в чьем теле я спала, и что ей совершенно нечего стыдиться и нет повода комплексовать. Она в фактически безвыходной ситуации спасает себя сама и заслуживает только уважения.

И любви.

Ни того, ни другого бедняжка не видела. Через пару лет, когда уже никто не сомневался, что принцесса навсегда останется инвалидом, королевская чета стала приходить все реже. К шести годам девочка стала практически затворницей. Ее общение ограничивалось няньками и преданной кормилицей, которая, похоже, единственная хоть как-то поддерживала и любила девочку.

Как будто этого было мало, вскоре после седьмого дня рождения принцессу ждал сюрприз...

Переезд в пансион.

Ей даже не сообщили заранее. Просто однажды утром она проснулась, а ее вещи уже собраны. Не так уж много их было, тех вещей. Немногочисленные наряды взять с собой не разрешили – в пансионе будет форменное платье. Тем же утром плачущая навзрыд кормилица проводила принцессу к карете, которая увезла девочку в новую, еще более суровую жизнь.

Ее и еще десять малышей того же возраста привезли в пансион Святой Елены первого августа. Это был официальный день набора нового класса. На ближайшие двенадцать лет эта холодная усадьба при монастыре станет их домом. Покидать территорию, обнесенную высоким решетчатым забором, воспитанницам категорически запрещалось. Официально – потому что за ее пределами жизнь полна опасностей и злых людей. Подразумевалось – чтобы не сбежали.

Хорошо хоть, сад при пансионе оказался довольно обширным, в пять-шесть гектаров, или, как здесь говорили, десять акров.

Вообще, мир принцессы мне сильно напоминал викторианскую Англию. Только с магией.

Кроме здания со спальнями учениц и залами для занятий, на территории располагались также птичник и коровник с тремя молочными буренками – иногда девочкам перепало свежее молоко, но далеко не каждый день. Всего в пансионе одновременно проживало около ста учениц, так что обеспечить их всех едой – задача не из легких. Готовили две поварахи, а в помощницы им выделяли ежедневно трех девочек – по одной из каждой возрастной группы.

Первые четыре года обучения воспитанницы считались младшей группой, дальше четыре года средней и еще четыре – старшей. После окончания пансиона девочки могли пойти работать в зажиточные семьи гувернантками, учительницами в немногочисленные школы для девочек, компаньонками к юным леди, ну, и наконец – принять постриг и остаться в монастыре.

В сутках для меня самой, в реальной жизни, оставалось теперь всего лишь восемь часов. Режим в пансионе был жесткий: в десять спать, в шесть утра, практически с рассветом, подъем. Вот в эту треть суток мне и приходилось теперь укладываться.

Как ни странно, со временем я привыкла. Ко всему привыкает человек.

Я очень быстро начала жить сегодняшним днем, наслаждаться каждой секундой по полной. Немногие люди понимают, какая это роскошь: посвятить несколько минут любимому делу. У обычного человека минимум шестнадцать часов в запасе для его занятий, а в молодости, когда можно спать поменьше без ущерба для восприятия, так и все восемнадцать.

У меня было только восемь. Сюда нужно было впихнуть работу, родных, еду и хоть какую-то физическую активность, потому что лежать лежнем половину жизни не очень здорово.

Я предпочитала танцы. Балет забросила довольно быстро – не до него. Позанимавшись какое-то время художественной гимнастикой, и это дело тоже оставила. Не мое. Травмоопасно очень, тренировки лютые, да и времени, драгоценного времени многовато забирает.

Мне повезло. Буквально под моими окнами открыли танцевальную студию. Преподавали все стили и направления: от классических, вроде вальса и танго, через латину и рок-н-ролл до брейка и танца у пилон. Последний, кстати, от художественной гимнастики недалеко ушел, если тренер хороший попадется. Алла давала нагрузку от души: за час занятий форма промокала насквозь.

Зато после я чувствовала, что в самом деле живу.

А то, по правде, иногда я начинала сомневаться, где именно – реальность, а где – вымысел и сон. Будто в аварии я не погибла по чистой случайности и сейчас живу как бы взаимы, за чужой счет.

За счет той самой принцессы.

Забавно, но имя девочки, в теле которой сплю, я узнала только в монастыре. Придворные ее звали ваше высочество, а люди, которые ее могли бы звать по имени, вроде сестры или родителей, с ней не общались.

В пансионе же она стала просто одной из учениц. Катраона Махони, младшая группа.

Как ни странно, при монастыре принцессе жилось повеселее, чем во дворце. У нее даже подруга появилась. Не сразу, правда.

На третьем году обучения, помимо десяти девочек-семилеток, в пансион привезли одного переростка. Ей уже исполнилось десять, и, поскольку она оказалась достаточно образована, то есть уже умела читать, писать и считать до ста, ее определили в подходящий по возрасту класс, то есть в тот же, что и принцессу.

Калеку-хромоножку, как ласково называли ее монахини, другие девочки старались не замечать. Принцессу даже не дразнили – она просто не существовала для них.

Весь этот мир был буквально пропитан магией. Особенно правый берег реки Абхайн в столице.

Все аристократические семьи кичились тем, что даже свечи зажигают заклинанием. Тех, кто по прихоти генетики рождался без волшебной составляющей, ждала незавидная участь изгоев. Пустышки – так их мило называли – вычеркивались из родовых книг по достижении совершеннолетия... Если, конечно, до него доживали.

Еще лет двести назад многие аристократы, чтобы не портить себе репутацию, избавлялись от детей, лишенных магического дара. Времена изменились, законы ужесточились, так что теперь таких пустышек всего лишь оставляют в приютах. Обычно уже к трем-четырем годам становится понятно, на что способен ребенок.

Так что решение моих родителей сдать меня в пансион по нормам местной морали оправдано. Они и так тянули до последнего.

О том, что магия иногда просыпается позднее, мы с принцессой вычитали в монастырской библиотеке. Редко, но случается такой конфуз. Отсюда, собственно, и сильные маги, иногда рождавшиеся у простых людей. Их, конечно, выкупали у родителей и усыновляли бездетные аристократы, но сам факт их появления говорил о многом.

Например, о том, что простолюдины и аристократы перемешаны родословными куда теснее, чем вторым хотелось бы признать. И о том, что о генетике и спящих признаках тут пока еще понятия не имеют.

Новая девочка оказалась тихой даже по меркам монастыря. Но, поскольку она не имела каких-то внешних проблем, бедняжка быстро стала объектом для издевательств сначала всей младшей группы, а потом – ведь паскудство заразно – и всего пансиона. На нее выливали чай за завтраком, суп в обед, помои на кухне. Подсовывали крапиву в обувь и хихикая смотрели, как несчастная плачет от боли. Надо отдать ей должное – она не жаловалась, терпеливо снося тычки и подсежки.

На исходе второй недели сентября новенькую затюкали окончательно. Я смотрела на происходящее глазами принцессы и понимала, что скоро у нас на руках будет суицидник.

В этот вечер я засыпала с твердым намерением вмешаться. То ли мой суровый настрой поборол сценарий сна, то ли принцесса отвлеклась, но, когда я заметила стайку девочек, что-то бурно обсуждавших за углом коровника, ноги мне подчинились. Вместо того чтобы скрыться в здании, я целенаправленно двинулась к несанкционированному собранию молодежи.

* * *

Где-то на полпути я почувствовала, что теряю контроль. До сборища оставалось еще шагов пять. Мне уже видно было сидящую на земле покорно склонившую голову новенькую. И я не стала дожидаться, когда ей все-таки выльют на голову очередное ведро помоев.

– Беги сюда! За мной! – повелительно рявкнула я и развернулась.

Испуганная принцесса драпанула со всех ног уже без моего участия. Мне только оставалось надеяться, что истязаемая девчонка еще не совсем овощ и сообразит припустить следом.

Сообразила. За спиной раздался топот сначала одной пары ног, потом целой орды. Вдогонку неслись гневные возгласы – ученицам не понравилось, что их лишают развлечения, а со спины меня сразу не признали. Бежала я чуть прихрамывая, нога то и дело подворачивалась, и надолго бы принцессиних сил на этот спринт не хватило... На глаза очень удачно попались заросли у самого забора. Мы как раз завернули за угол здания, пропав на секунду из поля зрения преследователей.

Я снова перехватила управление телом и дернула девчонку за руку, ныряя в лопухи. Измажутся, конечно, в зелени, но зато их не побьют.

Стая хищных девиц пробежала мимо.

– Тебя как зовут? – прошептала я, приподняв голову из лопухов и оглядевшись.

Вроде не караулят, но лучше отсидеться, чтобы наверняка. Боец из меня сейчас никудышный, как, впрочем, и бегун. Вот в реальности я бы им показала, а во сне, увы, я по-прежнему жалкая дэцэпэшница.

– Хилли, – то ли прошептала, то ли всхлипнула девочка.

Я вгляделась в ее лицо.

Ее привезли недавно, что было не совсем обычно. В пансион принимали с шести-семи, и в основном в этом возрасте от таких, как мы, и избавлялись, а Хилли выглядела на возраст принцессы – лет на десять.

– А меня Катраона, – представилась уже принцесса.

Похоже, она совершенно не возражала против небольшого приключения. Страха в ней я не чувствовала – только возбуждение и азарт. И еще робкую радость от того, что с ней кто-то разговаривает, и не по делу. Соскучилась, бедняжка, по человеческому общению.

Я хотела снова приподняться из лопухов, чтобы проверить, чисто ли вокруг, но поняла, что принцесса уже владеет собственным телом. Интересно, она заметила, что я ею управляла? Или – как это иногда бывает – «сама не знаю, что на меня нашло, оно само получилось»?

Оглушительно заурчал желудок. Хорошо, что не на минуту раньше, а то выдал бы девчонок с головой. Хилли покраснела. Принцесса заговорщически улыбнулась.

– Пойдем со мной. У меня кое-что вкусненькое припасено.

На кухне принцесса дежурила чаще остальных. За провинности в пансионе полагаются наказания, а упасть посреди бального зала – еще какая провинность. И наставницу не интересует, что ногу свело привычной судорогой и вообще левая сторона слабее правой и требовать от нее стоять на цыпочках – натуральное издевательство. Главное факт. Упала – отработывай. Но поскольку нарушение не вопиющее – тогда ссылают убирать курятник или коровник, – то Катраону отправляли на кухню. Чистка картошки, нарезка овощей и прочие монотонные занятия вместо наказания на самом деле помогали принцессе развивать мелкую моторику. Ну и пусть наставница считает, что отправить на отработку – ужас и позор для наказуемого. Катраоне там даже нравилось: помимо того, что можно съесть очистки с яблок, например, или запихнуть за щеку криво отрезанную полоску огурца – повариха со снисхождением и сочувствием относилась к ущербной девочке.

Происхождение учениц не афишировалось – подробности известны только настоятельницам. Для всех Катраона всего лишь безродная сирота, которую добрые богатые родственники пристроили в пансион. И повариха жалела бедную сиротку, оставляла ей в углу на подоконнике то булочку, то пирожок, а если вдруг выпечка подгорит, то и не один.

Как раз сегодня девочкам повезло: пригорел поднос с сырыми полосками. Совсем черные, конечно, пошли в помойку, но обуглившись только наполовину набралось штук пять. И все лежали в Катраонином углу.

Хилли быстро собрала все в чистый платок, завязав узлом в мешочек, и они поспешили укрыться в спальне принцессы.

– Почему тебя так поздно привезли? – выдала наконец принцесса мучивший нас обоих вопрос. – Обычно же лет в шесть сюда отправляют. Что-то случилось в семье? Извини, может, я лезу куда не надо...

– Ничего! От подруги у меня секретов нет. Мы же теперь подруги? – заискивающе заглянула принцессе в глаза новенькая.

Катраона радостно закивала.

– Мама снова вышла замуж, когда мне исполнилось восемь. – Хилли запихнула в рот сразу полполоски и пыталась теперь говорить, не плюясь в принцессу крошками. – С отчимом мы как-то сразу ладили. Он даже со мной проводил больше времени, чем с мамой. Один раз даже искупать меня предложил – моя няня не позволила. Говорит, неприлично. Мама как-то зашла ко мне в спальню, когда он читал мне сказку. Мы в кровати вместе лежали, под одеялом. Они потом долго ругались, и мама плакала... Потом меня отправили сюда. Я просила меня не отдавать, но мама настояла, что мне будет тут лучше. Неужели здесь и правда лучше, чем в доме, полном слуг, с мамой и папой? Мама, наверное, меня просто разлюбила.

– А отчим тоже хотел тебя сдать в пансион? Или только мама?

– Отчим был не в восторге, но мама его убедила, – пробормотала Хилли с набитым ртом.

Я мысленно покачала головой. Физически не получалось, принцесса снова владела собственным телом. Я могла только иногда вставлять фразу-другую, когда девочка глубоко задумывалась. Вот как сейчас.

– Глупости только не думай. Мама тебя очень любит и просто хочет, чтобы ты получила хорошее образование. Нам с тобой ни на что другое рассчитывать не приходится. Только на себя, – быстро выпалила я, пока принцесса переваривала грустную историю новой подруги.

– Ты правда так думаешь?

Хилли вытерла скатившуюся слезу. Кажется, мне удалось ее приободрить. Не приведи бог, решит еще домой сбежать.

Учитывая местные нравы, я мать Хилли очень даже понимаю. Скорее всего, приревновала она нового мужа к дочери. А он, вероятно, и не подозревал об этом, всеми возможными способами пытаясь втереться в доверие к девочке. Но кто знает, зачем ему это было нужно? И как скоро ему бы надоело играть в любящего папочку?

В этой ситуации женщине пришло в голову, похоже, единственно возможное решение, как не испортить отношения и с мужем, и с дочерью. Только пребывание в пансионе не бесплатное. Не ахти, конечно, какие деньги, но все же прилично для мелкопоместного дворянина. Так что в любой момент он может заявить, что финансово не тянет, и забрать падчерицу домой. Например, в качестве прислуги и няньки для их нового ребенка.

Незавидное положение, но у каждого свои проблемы. Зато она двигается как нормальный человек, и над ней на уроках танцев не издеваются.

Да, как ни странно, больше всего меня-принцессу уязвляла именно невозможность полноценно кружиться в вальсе. Наверное, именно поэтому я в реальной жизни налегала на всевозможные танцы – для компенсации.

Девочки даже внешне были чуть похожи, что тоже повлияло на их обоюдную симпатию. Светлокожие блондинки, стройные до худобы, только Хилли чуть выше. Зато у принцессы волосы были гуще, будто вся жизненная сила ушла в них, ничего не оставив тщедушному телу.

Обнаружив, что Хилли сдружилась с отвергнутой всеми Катраоной, одноклассницы, не сговариваясь, сделали вид, что и новенькой тоже не существует. Боязнь заразиться неизвестной хворью, которой страдала принцесса, перевешивала желание насолить ближнему. Так девочки начали общаться к обоюдной выгоде. Хилли больше не трогали, а у Катраоны появился наконец человек, с которым можно просто поговорить.

Все свободное время принцесса по-прежнему проводила в монастырской библиотеке, благо под нее был отведен целый флигель в два этажа. Прятать книги от детей никто не додумался, хвала местному богу, так что Катраона – и я вместе с ней – глотала фолианты один за другим. Все подряд: историю, географию, подборку журналов мод и газеты за прошлые десятилетия. Да, здесь уже додумались до печатных изданий и где-то лет сто пятьдесят, как начали выпускать самые настоящие газеты. Сначала на один корявый листок со смазанным текстом, но с течением времени типографии совершенствовались, как и производители бумаги, так что нынешние экземпляры от наших, современных, практически не отличались. Может, даже качество было повыше.

Кроме фотоснимков. Вот фотография только начала зарождаться как вид искусства, а технически вообще была в эмбриональном состоянии. Различить, кто изображен на снимке, даже под лупой, можно было лишь при наличии недюжинного воображения, даже если человек был снят крупным планом.

Читать про исследования дальних земель и сделки с восточными правителями было весьма увлекательно. Увы, накануне шестнадцатого дня рождения принцессы мои сны закончились.

В тот злосчастный осенний день моросил унылый серый дождь. Я хлопала сапогами по лужам, выглядывая периодически из-под выдвинутого вперед – от ветра – зонтика, чтобы не врезаться в столб или в прохожих. Последних почти не наблюдалось. В такую погоду разгуливают только те, кому очень-очень надо на работу. Мне как раз надо было – я уже опаздывала.

Откуда взялся тот грузовик, я так и не поняла. Как всегда, дважды посмотрела в обе стороны перед тем, как ступить на зебру, потом еще раз на середине дороги. И пока я проверяла справа, слева раздался визг тормозов. Я еще успела удивиться схожести ситуации: снова бампер перед самым носом... Но рядом уже нет отца, готового защитить меня ценой собственной жизни.

Как крошились мои кости под тяжестью многотонной машины, я уже не чувствовала – первый же удар кузова сломал мне шею.

Судьба, наконец, настигла беглянку.

И я почти не удивилась, когда очнулась не в своем теле.

● Глава 2 ●

Глаза открывались с трудом. Неудивительно, после такой аварии. Чудо, что я осталась в живых.

А собственно, как осталась?

Распахнув глаза, я уставилась в сероватый, в грязных потеках потолок. Не моя комната, не больница, скорее похоже на келью принцессы из моих снов.

– Кати, просыпайся, нам на завтрак пора! – В дверь настойчиво поскреблись.

Голос знакомый...

Это же Хилли!

Я подняла руки к глазам. Левая слушалась куда хуже, и пальцы до конца не выпрямлялись. Управление моторикой теперь на мне? А где сама принцесса?

Я прислушалась к внутренним ощущениям. Вроде никого постороннего в теле нет. Села, покрутила головой, осматриваясь в спальне. Воспоминания наплывали постепенно. Теперь моя собственная жизнь казалась ярким сном, а вот эта, сказочная, с магией – настоящей. Я ли читала сквозь глаза принцессы или она заглядывала в непонятный мир машин через меня? В висках застучало, и я едва сдержала стон.

– Кати!

– Иду! – рявкнула я.

Хилли испуганно затихла. Да, Катраона не то что не позволяет себе повышать голос, она и говорит-то едва слышно и исключительно когда очень-очень надо. Нужно вживаться в образ, а то как бы мне изгнание бесов не устроили.

– Иду, Хилли. Я проспала, – промямлила я.

За дверью успокоенно вздохнули.

– Я тебя тогда жду за завтраком. Поторопись, а то накажут!

С этим радостным известием девушка убежала.

Я перевела взгляд на окно. В стекло постукивали опушенные первыми листочками ветки. Здесь только начиналась весна. Прихрамывая, я подошла к окну. Знакомый вид: забор пансионата, декорированный редкими кустами для эстетичности, где-то там, за деревьями, запасная калитка, всегда закрытая на засов и задвижку, а сверху висит старый ржавый замок, открыть который не может уже даже его родной ключ.

В шкафу висят платья, целых два. Туфли одни – их надо беречь, а носки уже перештопаны столько раз, что проще было бы связать новые. Может, и свяжу. Принцесса... то есть я умею.

И это теперь моя новая полноценная жизнь. Ну, почти полноценная. Но с ДЦП я еще не закончила бороться! Мы еще повоюем!

В животе заурчало. Да, завтрак. Я быстро умылась, благо крохотный умывальник имелся в каждой комнате. Это душевые и туалеты в отдельном помещении, по три на этаж, а умывальники у всех свои, чтобы по утрам и вечерам очереди не устраивать.

Вода, правда, в них только холодная. И система подачи заковыристая, вроде мини-насоса: нужно набрать воды в специальный кувшин, потом наклонить его, чтобы тонкой струйкой текла вода, – он зафиксирован донышком, не перевернется, – и быстро успеть проделать все утренние процедуры, пока запас не закончился. Я с непривычки сначала умываюсь, потом начинаю чистить зубы и остаюсь без воды. Приходится набирать заново.

Крохотное зеркальце над умывальником отражает вполне симпатичное лицо. Чуть вздернутый аккуратный носик, полные губы кажутся слегка крупноватыми из-за впалых скул. Я вздохнула. Откормить бы меня, но с рационом пансионата это не светит.

На завтрак я в итоге опоздала.

Сестра Деми, которая присматривает за нами во время еды, строго нахмурилась. Опоздание – нарушение режима. Интересно, какое наказание она мне придумает? Вот бы на кухню отправила.

– Катраона! Следуй за мной, – властно распорядилась сестра Деми и, развернувшись, выплыла из столовой, даже не глядя, следуя ли я за ней.

Как положено в такой ситуации, я оставила недоеденную кашу и поспешила за монашкой.

Не особо-то и хотелось доедать эту склизкую гадость.

Вместо наказания меня отвели прямоком в кабинет матери-настоятельницы. Что же случилось? Неужели меня уже раскрыли? Или какие-то новости от родителей? Может, меня заберут обратно? Хотя вряд ли.

Матушка Ригна сидит за высоким столом. Подозреваю, с обратной стороны под ее стулом ступенька, специально, чтобы она возвышалась над посетителями. На столе стопки бумаг, новомодные перьевые ручки в витом металлическом стакане и шкатулка. Последняя слегка выбивается из общего ряда вещей и выглядит знакомо.

Я устраиваюсь на шаткой табуретке и оказываюсь в положении букашки под микроскопом. Психологическое давление, уровень – дошкольник. Плавали, знаем. Выпрямив спину, я преданно уставилась на настоятельницу, поедая ее глазами. Нужно ведь женщине эго почесать.

– С днем рождения, дорогая! – приторно улыбнулась матушка.

Я и забыла. Точно, в начале весны у принцессы день рождения. И каждый раз ей приходит письмо от родителей. Один раз в год. Трогательно даже. Если бы не было так обидно.

И похожая шкатулка каждый день рождения принцессы стоит на столе настоятельницы, но содержимого я так ни разу и не видела.

– Вот, тебе прислали родители...

Она передает через стол конверт. Печать надломана, но я и не тешила себя надеждой на приватность. Понятно, что вся почта проверяется, будь она даже от короля.

Обычно Катраона благодарит и срывается с места, чтобы побыстрее прочитать полстраницы, исписанной мелким, каллиграфическим почерком. Я его пробегала взглядом вместе с ней, сильно подозревая, что писал секретарь, а его величество просто поставил подпись, и скучала в ожидании более интересного занятия во сне. Книги новой, например.

Но в этот раз мне очень даже интересно, что в письме. Речь уже не идет о странном и подробном сне. Это моя новая жизнь, а значит, и относиться теперь к происходящему я должна соответствующе. Кроме меня о моем будущем тут, похоже, никто не подумает.

Главное, что это за шкатулка? В другие разы, когда я посещала кабинет настоятельницы в течение остального года, никаких шкатулок на столе не было, так что это не украшение и не пресс-папье.

Я открываю уже распечатанный конверт и вчитываюсь в убористые строчки.

Поздравления, пожелания наилучшего, надежда на скорое выздоровление, снова поздравление: шестнадцать по местным меркам – совершеннолетие. Я могу уже вступать в брак. Другое дело, мне с моей болезнью это не светит.

– Может, считаешь у себя в комнате? У меня много дел.

Настоятельница – вроде бы незаметно – подтягивает к себе шкатулку.

Ага, вот оно! Так и знала.

– «Посылаем тебе, дорогая, некоторые средства, побаловать себя в этот знаменательный день, и небольшой сюрприз. Надеемся, тебе понравится. Твои родители», – вслух с выражением зачитала я. Настоятельница отдернула руку от шкатулки, будто обжегшись. – И где сюрприз?

Я наивно похлопала глазами, изображая невинную дурочку, и отчетливо расслышала скрежет зубов. Матушка Ригна нехотя подвинула шкатулку вперед, неприятно скрипнув ею по столу.

– Вот он, – процедила она недовольно.

– Ой, как здорово! Спасибо, мама и папа!

Я специально сделала упор на семейственность и тесные отношения с королевской четой. В глазах настоятельницы отчетливо читалось нежелание расставаться с содержимым шкатулки. Не грех и припугнуть зарвавшуюся матушку.

Я подцепила шкатулку, собираясь унести, но Ригна оказалась быстрее. Сверху на крышку легла ее тяжелая ладонь, и я поняла, что так просто она меня не отпустит.

– А посмотреть ты не хочешь? – поинтересовалась она.

– Я в комнате посмотрю, – широко улыбнувшись, ответила я чистую правду.

– Думаю, лучше нам взглянуть на содержимое сейчас, – с нажимом произнесла матушка и сама ловко откинула незапертую крышку.

Ой, что-то мне не верится, что гонец доставил ящичек с драгоценностями и деньгами вот так, нараспашку. Кто-то весьма вольно относится к понятию личные вещи.

Не сказать чтобы содержимое меня ослепило. Выросшая среди относительного достатка, я насмотрелась и на золото, и на бижутерию высокого качества, которая зачастую не сильно дешевле того золота, – кулон с камеей на тонкой цепочке и два колечка-печатки сногшибательного впечатления на меня не произвели, гораздо больше меня заинтересовал увесистый мешочек с краю. Залезть и проверить, сколько там, мне не дали.

– Ну, посмотрела и будет. Я их положу к себе, на хранение. – Настоятельница хлопнула крышкой, чуть не прищемив мне пальцы, и потянула к себе шкатулку.

Я вцепилась в ту мертвой хваткой.

«С этой бабой церемониться нельзя», – дошло до меня наконец.

– Спасибо за заботу, я у себя в комнате их буду хранить. Под подушкой, – пропыхтела я, перетягивая ящичек.

Одной рукой получалось не очень, вторая плохо слушалась, но я для надежности прилегла на шкатулку грудью. Настоятельница, кажется, поняла, что я серьезно намерена все забрать, и от неожиданности выпустила добычу. Я чуть не свалилась на пол.

– Не лучше ли будет раздать эти безделушки другим девочкам? Господь наказывал нам делиться с ближним своим, – тонко намекнула Ригна.

Ну, вот и получили объяснение дорогие украшения на некоторых воспитанницах. Настоятельница их поощряет за мой счет. Я помотала головой.

– Ближние должны оставаться ближними, вне зависимости, получают они за это что-то или нет, – выдала я в ответ цитату из недавней проповеди о ценности хороших взаимоотношений.

У настоятельницы свело скулы и дернулся глаз.

– Зачем тебе эти драгоценности? Послушница, которая хочет стать хорошей монахиней, должна привыкать к скромности в быту, – зашла с другой стороны матушка.

Ох, похоже, дело не только в наградах девочкам, а и себе в кубышку она что-то кладет. Тем более нельзя так оставлять. Принцессу уже десять лет внаглую обворовывают! То есть меня. Как-то раньше я не обращала внимания на финты с подарками. Письмо принцессы читала быстро, а я вообще в текст не настолько вникала, чтобы заметить крохотную приписку.

Ну, лучше поздно, чем никогда. Я мило улыбнулась.

– А я, может быть, передумала становиться монахиней. Видите, рука уже лучше слушается... – Я помахала в воздухе упомянутой конечностью. – Мало ли кто меня учительницей детям наймет, или приживалкой к какой вдове пойду. На такие должности и увечных берут.

Настоятельница поперхнулась, но больше крыть ей было нечем. Не заявлять же напрямую: тебя нам оставили насовсем. Если бы на этот счет были четкие инструкции сверху, меня бы не муштровали вместе с другими девочками на танцах и математике. Было у нас несколько послушниц, которых сдали, как говорится, с концами. Их учили писать и считать, после этого в двенадцать, когда пришла первая кровь, они переехали в кельи, к монашкам. На этом наше

общение закончилось. Иногда они мелькали в коровнике и курятнике, реже – на кухне. Обучались, очевидно, послушанию и смирению.

Бр-р. Не дай бог!

* * *

Пока матушка Ригна не передумала, я поспешно покинула кабинет, чуть не бегом пронеслась по коридорам и перевела дух, только оказавшись в собственной комнате.

Плотно закрыв дверь и придвинув к ней тумбочку, – задвижек наши кельи не предусматривали, – я уселась на жесткий тюфяк и снова открыла шкатулку. На этот раз моего внимания удостоился сам мешочек. В нем оказалось пять фунтов крупными золотыми монетами. Бешеные деньги, на самом деле. Такие не в каждом магазине и разменяют. В ходу у средней руки горожан были шиллинги – серебряные монеты и пенсы – медь. Чтобы представить масштаб подарка: недавно в монастырь докупили еще одну корову – она стоила восемь шиллингов и считалась очень дорогой и породистой.

А в фунте сто шиллингов.

Я оглядела тесную комнатку, пытаюсь сообразить, куда спрятать шкатулку. Под кровать и в шкаф – банально, сразу найдут. А в том, что вскоре мне устроят тайный обыск и шкатулка волшебным образом, не имеющим отношения к магии, испарится, я не сомневалась. Думай, голова, думай.

А что, если разделить мух и котлеты?

Не сомневаясь больше, я решительно вытряхнула из шкатулки содержимое, положила туда письмо и сунула под соломенный тюфяк. Кого-то ждет неприятный сюрприз!

Кольца нанизала на цепочку и повесила на шею. Под высоким воротом форменного платья видно не будет. Мешочек с деньгами засунула в тот же район: в то хлопковое нечто, что заменяло нам лифчик и маечку одновременно. Потуже затянув пояс – он очень удачно, хоть и старомодно располагался под грудью, – чтобы монеты не вывалились, я выглянула в коридор. Вроде никого, но лучше поторопиться, пока матушка не успела приставить ко мне соглядатая.

Я выскользнула в сад через заднюю дверь. Был соблазн закопать деньги у старой калитки, но, оглянувшись на здание, я поняла, что видна как на ладони. Не самое удачное место для раскопок. Так что пришлось углубиться в посадки.

Принцесса гулять особо не любила. Да и тяжело, я ее понимаю. Уже через десять минут бодрой ходьбы я начала сильнее припадать на левую сторону. Такими темпами и до приступа недалеко. Я убавила прыть и принялась осматриваться по сторонам, выбирая место для захороненияклада.

Ага, вот вроде приметный кустик, хоть и маленький. Белые растопыренные палочки-цветочки маячили у самой ограды. Если еще как-то прутья решетки пометить, будет потом удобно найти заначку. Я присела у невысокого, сантиметров двадцать, растения и принялась копать прямо руками. Земля мягкая, рыхлая – после дождя недавнего легко поддается. Потом руки сполосну в комнате, а по дороге их можно и под передник спрятать.

– Ты как копаешь? Так корневище же повредишь! Дай помогу. – Я чуть инфаркт не получила, услышав деловитый женский голос над самым ухом. – Это же хинский корень!

Оказалось, я копала ямку под диким женьшенем. О лечебных свойствах редкого корешка слышала даже я, в китайской и корейской народной медицине им лечат практически все, что не вылечивается иглоукалыванием. Срочно сделав вид, что так и задумывалось, я принялась отгрести в стороны землю вокруг растения.

– Да что же ты руками-то! На, лопаткой оно сподручнее.

Рядом присела женщина лет сорока, которая на монахиню походила примерно так, как я на борца сумо.

Даму в странных балахонистых одеяниях – когда-то ярких расцветок, а теперь от частых стирок выцветших до однообразного серовато-бурого тона – я видела мельком глазами принцессы. И не раз. Брай, местная травница.

Монашки чопорно воротили от нее носы, именуя тихо ведьмой, но чуть случался у них понос или насморк, наперегонки бежали к ней требовать лекарственных настоев. Надо отдать ей должное, смирения в Брай было побольше, чем в сестрах божьих, и лечила она на совесть даже самых противных. Я бы не удержалась: точно слабительного бы подсыпала.

– Пойдем. Корень нужно почистить и обработать. Или ты знаешь, как?

Я отрицательно помотала головой и послушно побрела следом, сжимая в одной руке трофейную лопатку, а в другой – изогнутое корневище, с которого сыпалась мне на платье земля, и присматриваясь, где же прикопать мой клад на обратном пути. В том, что в комнату нести его нельзя, я была уверена.

Кроме того, меня уже долго не было, и травница мне встретилась как нельзя кстати. Если опоздаю на обед, можно будет убедительно оправдаться.

Можно сказать, мне вдвойне повезло.

Домик травницы вполне соответствовал профессии владелицы. Он так зарос бурьяном и мхом, что с трудом поддавался идентификации среди прочей зелени. Хозяйка с усилием открыла скрипучую, покосившуюся от старости дверь и поманила меня внутрь.

Пряниками там и не пахло, поэтому в домик ведьмы я пошла без раздумий. Есть во мне все равно нечего: кости одни.

Брай оказалась настоящим специалистом по местной флоре. На единственной книжной полке теснились разнокалиберные фолианты по растениям, начиная от ветхих манускриптов (по ее словам, от бабки достались) до современного издания – официального учебника по травоведению для первого курса медицинского факультета. Последний меня особенно заинтересовал. Может, раз в своем мире не сложилось, хоть здесь смогу официально стать врачом? Получу диплом, открою практику...

Но травница, заметив мой жадный взгляд, направленный на учебник, сразу заявила, чтоб я и думать забыла о медицинском факультете, поскольку женщин на него не берут. Тем более пустышек.

Я пожалала плечами и отложила мечту в ящик отдаленного будущего. Если лекарями не могут стать обычные люди, а услуги магов стоят дорого, то кто лечит крестьян и рабочих, у которых нет денег? Кто-то же должен. Вот и займусь выяснением этого вопроса, как только покину стены пансиона.

Слова настоятельницы не выходили у меня из головы. Значит, мне запланировали будущее в этом монастыре? Родители сослали меня сюда, зная, что во дворец я больше не вернусь никогда? Мило. Откупаются безделушками – для местных, из провинции, это, конечно, баснословные богатства и роскошные подарки, но я-то помню наряды королевы из моих снов. Там один подол нижней юбки был расшит драгоценностями на сумму моего подарка. И вряд ли то были ее лучшие, бальные, наряды.

Не приезжали ни разу.

Да и письма приходят всего раз в год, на день рождения. Не думаю, что мою почту утаивают. Смысл? Скрывать можно было бы как раз подарки, но мне их простодушно продемонстрировали. Получается, просто не пишут. Трогательные отношения.

– А ты соображаешь! – одобрительно кивнула Брай, глядя, как я аккуратно счищаю землю с волосатого корневища. При входе лежала щеточка, покрытая комками чернозема, и ведро со всякой трухой – туда я и крошила отходы. – Не хочешь ко мне в ученицы?

Хочу ли я туда, где в свободном доступе лежат яды и лекарства, да еще и обещают обучить ими пользоваться?

– Хочу! – поспешно выпалила я, пока травница не передумала.

– Тогда завтра на рассвете приходи сюда. Пойдем собирать почки.

Судя по тому, что на улице весна, речь, скорее всего, о древесных почках. Но мысль все равно скользнула не туда. Ведьма же! Мало ли...

Я закивала, протягивая Брай очищенный женишень.

– Туда положи. Потом тебе укрепляющий отвар заварим, сама же нашла, значит, он твой, – улыбнулась травница, враз помолодев.

Не думаю, что она сильно старше сорока. Красивая ведь женщина, просто не следит за собой. И, учитывая качество ткани балахона – за столько лет он не истлел и не рассыпался, ведь явно носится далеко не первый год, – в свое время Брай вела совсем не отшельнический образ жизни.

Но выпрашивать о ее прошлом я не стала. Захочет – сама расскажет. У меня тоже секретов полно, несмотря на юный вроде бы возраст.

* * *

На обед я не опоздала, хоть и успела очистить женишень, прикопать в образовавшейся ямке свой клад и отмыть руки от грязи. Платье замочила в тазике, чтобы не было видно следов земли на подоле. Пусть гадают, куда я все дела.

На следующее утро я сама проснулась на рассвете, без воплей и будильника. Принцесса привыкла вставать с петухами, а у меня со сном были вообще весьма своеобразные отношения – любое время, когда я не сплю, расценивалось как праздник. Проснулась – уже хорошо. Так что я радостно подскочила, простирала и повесила сушиться прямо в ванной платье и поспешила на обучение.

Я еще не представляла, насколько мне повезло наткнуться на Брай.

Оказалось, помимо выставленных на полке книг (ими она просто пользовалась чаще всего), у травницы было запасено еще несколько десятков. Лежали прямо стопками, перевязанными бечевками. Похоже, как перевезла – так и забыла. Некоторые заплесневели, другие подмокли, чернила местами расплылись. Святотатство! Попросив разрешения навести порядок, на что травница махнула рукой, мол, совсем забирай (она как раз готовила очередной порошок), я вытащила фолианты на свет божий. По большей части это оказалась развлекательная литература: готические романы, мистические истории и – ура-ура! – методички по теории магической медицины за три курса. Наверное, к учебнику по травоведению прилагались. На мое счастье, тоненькие брошюры лежали на самом верху и практически не пострадали. Их я отложила в сторону. Тащить к себе в комнату не рискнула. Судя по волосам, которые я иногда, уходя, приклеивала на дверь шкафа и ящики тумбочки, в моей келье регулярно проводили обыск. И держать на виду такую вызывающую для невинной девочки литературу я бы не рискнула. Пусть лучше у Брай полежат, а я занимать иногда буду.

Остальные книги я честно вернула на место, в подвал, только приспособила старый сундук для их хранения, а чтобы не заплесневели снова, осушила подвал с помощью свечки.

У нас на уроках физики учительница в свое время так развлекалась: задавала интересные задачки на сообразительность с применением физических законов. На опыты к ней бежали как на праздник. В итоге у всего класса по физике была твердая пять, куда там вашим ЕГЭ.

Так вот, одна из задачек была убрать воду из помещения при наличии одной свечи и одной трубы. Один конец импровизированного дымохода выводится в окно, как можно дальше от основного входа. Все остальные окна закрываются, дверь остается открытой для притока свежего воздуха.

Забавно, но на практике оно сработало. Целый день, правда, убила на это и свечей десять. Из монастырской часовни утащила. Матушка узнала бы – по головке бы не погладила. Ну так я на благое дело!

Зато теперь в подвале можно было даже траву сушить, которая солнца не любит. Только новую свечку под трубу подставить.

А главное, ценные книги теперь были в безопасности.

Большую часть этих ценных книг составляли любовные романы. Ну, как себе это представляли в нынешние суровые времена. Много описаний чувств и переживаний, подробный разбор каждого платья героини (а меняла она их не меньше пяти раз в день), и верх разврата: поцелуй ручки от лица главного героя.

Ну, а чем еще занимать время девиц, дуреющих от безделья?

Работать здесь аристократия предпочитала, как и у нас, опосредованно. За счет других. То есть знати принадлежали фабрики, рудники, ателье и прочие заведения. А простым людям милостиво позволялось на них работать.

Многое можно почерпнуть из женского романа, если знать, куда смотреть.

Даже в газетах такого не прочитать.

Сами истории любви четко проводили границу дозволенного. В пару ставили исключительно аристократов. Единственный мезальянс, который я смогла найти, получился между одной бедной, но очень честной дворянкой из древнего рода, в которой проснулась немалая магия, и принцем, третьим по старшинству, который эту самую магию, то есть дворянскую, оценил по достоинству.

Никаких Золушек в книгах и близко не водилось. Да и зачем аристократии про плебс читать? Как я поняла, простые люди не все и читать-то умеют, тем более не имеют свободных денег на макулатуру. Им бы хлеб в семью каждый день купить – уже радость.

Брай иногда брала меня с собой в лес. Под честное слово, что я не убегу. Да я бы и без слова не сбежала. Куда? К кому?

Кстати, нужно бы продумать этот вопрос.

Если король прикажет постричь меня в монахини насильно, бежать все равно придется. Поэтому редкие вылазки с травницей за пределы территории пансиона я использовала, чтобы узнать побольше об окружающем мире.

Чаще всего мы выходили на рассвете, даже чуть раньше. Бродили по лугам и опушкам, срезая миниатюрными серпами или выкапывая полезные и вредные ингредиенты под будущие зелья. Брай, не стесняясь своей профессии, гордо именovala сама себя ведьмой, сваренные ею препараты – зельями, а за малейшую мою провинность грозила проклясть. Я хихикала и обещала исправиться.

Для меня это была неплохая зарядка. Долго ходить я все еще не могла, но сама разминка с приседаниями, наклонами и мелкой моторикой для рук была весьма кстати.

Однажды мы забрели особенно далеко. Я не переживала: шли мы вдоль натопанной тропы, крупных хищников поблизости не водилось, а лисы нас сами боялись. От грабителей у меня был в кармане припасен мешочек с толченым перцем. Не баллончик, конечно, но тоже эффективно. Хотя бандитов в округе тоже не водилось. Король следил за безопасностью в государстве – за разбой полагалась немедленная казнь. Так что желающих рисковать практически не было.

Но на всякий случай порошок я припасла.

Я присела на поляне с земляникой. Лето только вступило в свои права, но сочные крупные ягоды уже налились вкусом и цветом. Витамины мне не помешают, да и Брай чуть поодаль тоже то и дело занималась поеданием урожая.

К нам присоединилась наглая рыжая белка. Я с умилением наблюдала, как рыжая морда, подергивая хвостом, совершенно по-человечески держит в передних лапках бордовую ягоду и быстро-быстро ее ест. Внезапно зверек бросил лакомство и насторожил смешные ушки с кисточками.

Земля под ногами завибрировала – белка прыснула по деревьям куда подальше. Мне сильно хотелось последовать ее примеру, но, глядя на невозмутимо срезающую кору с березы травницу, я все же сдержалась и почти спокойно спросила:

– Это что, землетрясение?

Брай расхохоталась.

– Выдумала тоже! В наших краях таких страстей уже лет двести не случалось. Поезд это.

– Как поезд? – пролепетала я.

Я, конечно, читала в газетах дебаты о пользе и вреде железнодорожного транспорта, но не думала, что рельсы проложены настолько близко от монастыря.

– А куда он едет? – поинтересовалась я, и вовсе не из праздного любопытства.

– Один – в Провенс, другой в столицу, Дорсетт. Там две полосы, – отмахнулась от меня травница: кустик актинидии с острыми молодыми листиками интересовал ее куда больше какого-то поезда.

Примерный план побега начал вырисовываться в моей голове.

Только я не подозревала, что применить его на практике мне придется куда раньше, чем я думала.

● Глава 3 ●

Лето потихоньку прогревало стены пансиона. По вечерам стало невозможно заснуть – приходилось открывать окно, чтобы хоть чем-то можно было дышать. Этим пользовались обитавшие на пруду неподалеку комары, они стаями прилетали поживиться. Спасал только бальзам, который мы вывели вдвоем с травницей. Я вспомнила, что на банках с репеллентом, который прикидывался в магазинах натуральным, изображалась острая мелкая травка – цитронелла. Мы добавили еще Melissa: кровососущие, по наблюдениям Брай, от нее шарахались. По пучку травок я посадила в горшки и выставила на окно; кроме того, мы сварили из них остро пахнущую лимоном жидковатую мазь. Помогало теперь, по словам Брай, варившей подобное средство каждое лето, в разы лучше.

Так к моим заначенным пяти фунтам добавилась мелочь. Брай не гнушалась заработать на беде ближнего и драла с монахинь и учениц по пять пенсов за пузырек. С каждого проданного один пенс шел мне как участнице производства. Ну, и мы с Хилли пользовались бальзамом бесплатно, понятное дело.

В общую кучку я их не прикапывала. Вообще старалась мимо приснопамятного бывшего женшения не ходить, а если и проходила, в ту сторону не смотрела. Обыски у меня по-прежнему проводились регулярно. Так что, недолго думая, я завернула монеты в старую майку и положила на полку в белье. Пусть найдут. Не думаю, что монахини позарятся на горсть меди.

Через неделю я убедилась, что так и есть. Их интересовала добыча поувесистей. Мои пенсы явно перетряхнули и пересчитали, но положили на место.

Зато мой стол, и Хилли заодно, теперь разнообразился еще больше.

За несколько пенни в неделю кухарка начала подкладывать в известный угол не только подпорченную, но и нормальную еду, оставшуюся от трапез. Понятное дело, немного. Женщине и самой не хватало – дома трое детей по лавкам – но два-три лишних пирожка в день были совсем не лишними.

С одеждой в шкафу тоже стало повеселее. Брай поделилась несколькими платьями из тех, что ей самой маловаты. На меня они сели с песнями, даже ушить пришлось местами. Фигурой меня местный бог обделил, так оно и понятно – на том питании, что предлагалось в пансионе, не зажируешь.

Платья, конечно, были такие же выцветшие и застиранные, как и остальная одежда травницы, но на фоне нашей унылой формы – просто писк моды. Да и гораздо удобнее. Кроме того, с моим новым увлечением я не успевала стирать форму, а она не успевала сохнуть, поскольку комплектов было всего два. Теперь хоть можно было чередовать и носить форму на занятия, а в нормальной одежде копать корешки.

Брай, последив за мной какое-то время и решив, что мне можно доверять, начала понемногу отпускать меня от себя подальше. Например, посылала за ветками ивы, пока сама собирала травы или дубовую кору.

Одна я ходить любила больше всего. Не нужно было подлаживаться под чужой размашистый шаг и ковылять вприпрыжку, можно было иногда присесть, передохнуть, ну, и поживиться чем: лес был сравнительно нехоженный – до ближайшей деревни несколько миль, – так что ягоды и дикие фрукты никто не трогал, кроме зверья и насекомых.

На одной из таких прогулок я наткнулась на крохотного серого птенца. Пушистый комочек лежал прямо на тропинке и жалобно пищал. Я повертела головой, надеясь отыскать его родителей. А вот и они, перепархивают с ветки на ветку. Не приближаются, меня, наверное, боятся. Что-то крутилось в голове насчет того, что, если взять малыша на руки, на нем останется мой запах, и родные от него откажутся.

Я сделала шаг назад.

Птенец запищал еще жалобнее и заковылял следом за мной, вывернув одно крыло. По тому, как оно неловко волоклось по молодой траве и прошлогодним листьям, я поняла, что с беднягой что-то случилось.

Неудачное приземление? По времени года как раз пора учиться летать, и кажется, урок не задался. Тогда хуже не будет.

Я присела и бережно подняла страдальца с земли, сложив ладони лодочкой.

Крыло, похоже, перебито.

Птенец доверчиво заглянул мне в лицо, вывернув шею под странным углом, как сова. Тельце расслабилось в моих ладонях, позволяя себя ощупать. Бедолага только иногда подергивался от боли, когда я задевала поврежденный участок крыла.

Две взрослых особи устроились на ветках прямо над моей головой и в открытую обсуждали происходящее. Вот наглость – на врача наезжать!

Я хмыкнула. Какой из меня врач, конечно. Ветеринар, по крайней мере, точно никакой.

Может, шину наложить? Но оставлять его тут в любом случае нельзя, придется забрать с собой в пансион. Матушка животных не разрешает держать категорически. Значит, надо прятать. Где? В птичнике сразу заклюют. Может, в коровник? Там вроде было пустое стойло. Как бы не вылез и не попал под копыта...

Размышляя, я машинально поглаживала пушистые нежные перышки. Как-то сами собой пальцы перебрались на поврежденное крылышко. Я трогала его нежно, едва касаясь, и птенец даже не трепыхнулся, хотя, по идее, каждое прикосновение должно было причинять ему боль.

Я настолько ушла в себя, что не сразу поняла, что мои руки светятся.

Густой золотистый туман окутал сначала мои ладони, потом перекинулся на серого малыша, сконцентрировавшись в районе повреждения. Голова у меня закружилась – то ли от нереальности происходящего, то ли от странного и резкого упадка сил. Боясь уронить бедолагу, я опустила руки на колени.

Свечение потихоньку спадало, впитываясь куда-то под перья.

Птенец помахал крылом, сначала неуверенно, с опаской, затем несколько раз хлопнул обеими конечностями, чирикнул мне что-то благодарственное и вспорхнул из моих рук на ветку к родителям. Те и не думали заклеивать чад, наоборот, радостно закурлыкали и принялись поправлять ему встрепавшиеся перышки.

Ну, мамы – они такие мамы. Даже если они папы.

Я оторопело уставилась на собственные пальцы. На кончиках ногтей все еще мерцали золотистые искорки. Да быть того не может! Мне уже шестнадцать! Самое позднее, когда магия когда-либо пробуждалась, это в десять лет. И то таких случаев, наверное, один-два на столетие.

Хотя...

Если допустить, что я и правда жила в своем мире, так сказать, взаймы... Частью души, которая разрывалась между двумя телами. Откуда тут магии взяться? Чудо, что мы с принцессой вообще выжили! Зато теперь, когда половинки души соединились, магия потихоньку прорастает наружу.

И тут меня осенило еще раз: у меня целительская магия – я же могу себя вылечить!

* * *

Первая попытка самолечения закончилась глубоким обмороком.

Хорошо, что экспериментировать я начала у себя в комнате, так что моего состояния никто не заметил. Я сдуру попыталась просканировать собственный мозг и выяснить, где же у меня случился тромб или мини-инсульт – в общем, то, что сделало меня инвалидом. Вычитала недавно в одной из методичек, пока ждала, когда доварится очередная порция мази. Вроде как нужно сконцентрироваться и послать мысленную волну сквозь пострадавший орган.

Волна-то пошла...

И голова моя пошла. Кругом. И упадок сил наступил такой, будто я неделю лежала в постели с гриппом. А то и две.

За завтраком я буквально вылизала тарелку с грязно-серой жижей, которую здесь называли кашей. С настоящей овсянкой этот ужас и рядом не стоял, но моему истощенному телу требовались калории. Выбирать не приходилось.

К счастью, за мое непристойное поведение за завтраком меня отправили на кухню мыть посуду.

Меня подташнивало от омерзения, но я впихивала в себя остатки еды с чужих тарелок, физически ощущая, как мне становится все легче.

Срочно в библиотеку!

Сразу, к сожалению, попасть туда не получилось. После отработки пришлось еще помучиться на занятиях танцами, где я, прихрамывая, изображала престарелого партнера для Хилли. Сестра Деми, сухонькая чопорная монахиня сильно преклонного возраста, давно отчаялась увидеть от меня движения, достойные леди, так что я в основном изображала недостающих партнеров, когда они требовались по рисунку танца. В остальное время отсиживалась в углу.

Спустя час издевательств нас отпустили, но учеба на сегодня еще не закончилась. Утренние занятия математикой я пропустила, так что пришлось наверстывать. Все-таки хорошо, что принцесса правша. Хоть писать я могла нормально. Быстро заполнила столбик ответами: котангенсов и интегралов от нас не требовали даже в выпускном классе, все сложности ограничивались умножением до ста и делением. В пределах тысяч, не больше. Попадались довольно сложные для местных математические действия, со скобками, и даже три уравнения с одной переменной.

Сестра Марайна слегка удивилась, когда получила от меня исписанный лист через полчаса. Обычно у девочек на такое объемное задание уходило больше двух часов. Не поверив, похоже, что я все сама (но как бы я списала, интересно, и у кого?), она дотошно выпросила меня по каждому примеру.

Наконец попытка завершилась, и я поспешила в библиотеку.

Магическому резерву посвящалась целая полка разнокалиберных талмудов – от старинных рукописных книг до новейших учебников по медитации. Вот последний-то я и захватила с собой в комнату. Читать нам не воспрещалось и никак не контролировалось – в конце концов, любовных романов в монастырской библиотеке не держали, а широта кругозора и разнообразие знаний у будущих учительниц только поощрялись. Даже библиотекаря не было. Некоторых воспитанниц в качестве отработки периодически отправляли расставлять тома по порядку, и раза два в месяц в библиотеку заглядывала лично настоятельница – проверяла ее состояние. Если, по ее мнению, состояние оказывалось не очень, какую-нибудь одну группу срочно снимали с занятий и запускали наводить порядок. Так что сами ученицы старались всегда ставить книги на место: проводить целый день в пыльном помещении не хотелось никому.

Изучить талмуд я смогла только вечером. После ужина нам выделялся час свободного времени. Можно было посплетничать с подружками, погулять в саду, ну, или в моем случае – почитать.

Увы, оказалось, что мой резерв магии после излечения птицы практически пуст. А на восстановление требуется куда больше времени, чем несколько часов.

Выяснилось, что магия не бралась из воздуха. У каждого мага был запас. Где он располагался, не уточнялось, но называлось это вместилище – резерв. И у всех он был разный. Сильные маги с большим резервом могли накрывать заклинанием огромные площади и колдовать несколько раз подряд. Судя по тому, что меня после излечения летающей мелюзги так

накрыло, я пришла к неутешительному выводу, что резерв у меня крохотный. По таблице, прилагавшейся к учебнику, мой запас магии тянул от силы на единицу. И то не факт.

Грустно. Я-то надеялась, что, как и положено попаданкам, сейчас как колдану – и стану магом уровня «богиня». Не тут-то было. Что ж, придется работать с тем, что есть.

Главное – не уйти в минус. Тогда маг начинал черпать из собственных жизненных сил. Сначала энергию – отсюда мой жор утром, – а потом и, собственно, запасы организма, так что продолжительность жизни сокращалась на несколько лет. Спасибо, не надо. Больше так делать не буду.

Зато в учебнике нашлось несколько полезных упражнений, ускоряющих накопление магии в резерве. Некая дыхательная гимнастика, перевела я себе на привычные понятия. Практически йога. На вдохе предлагалось представить, что где-то в районе солнечного сплетения внутри меня горит шар – это и есть моя магия – и в него вместе с воздухом поступает новая энергия извне.

Интересно, как она оказывается на кончиках пальцев? По кровотоку?

Пометив себе на досуге обдумать этот вопрос как следует, я приступила к упражнениям. Шарик мой по ощущениям еле тлел – да, я и в самом деле его чувствовала, но едва-едва.

Дышать мне на него и дышать еще.

Через неделю я попробовала снова. Начала опять со сканирования головы. Вроде все сосуды оказались в порядке. Наверное, тромб какой был, нагадил и рассосался.

Что ж, будем разгребать последствия. Для начала я решила заняться рукой. Скрюченная и чаще всего прижатая к животу под грудью, она меня слушалась, но с превеликим трудом. Держать, например, полную чашку я бы ею не рискнула. Но пустая хотя бы не вываливалась.

Я прогнала волну диагностики через руку. Ага, тут придется с сухожилием поработать, здесь несколько мышц коротковаты, недоразвились. Ну, и сустав разработать. Да и общий тонус мышц снять нужно – перенапряжение чувствуется.

На этом, увы, мой резерв закончился. Пришлось ждать еще три дня. Что меня радовало, я восстанавливалась все быстрее. Учебник по медитации обещал, что через несколько лет регулярной магической практики мой резерв может чуть увеличиться. Насколько существенно это «чуть», не уточнялось, но в моем случае каждая капля драгоценна.

Надеюсь, я когда-нибудь смогу хоть два полноценных заклинания подряд произнести.

Кстати, под заклинанием подразумевалась целая сложная схема. Тут и пассы нужны были (так вот зачем надо мной-принцессой тогда лекари руками водили, это стандартный жест диагностики!), и слова кодовые, которые можно как проговорить про себя, так и пробубнить. Это скорее набор букв, который настраивал магический поток на определенное действие. Эдакая магическая клавиатура. Сказал одно слово – срастил кости, сказал другое – вызвал понос. И векторы, то есть направление движения магии, тоже учитывать нужно было. В одну сторону – заживление, в другую – рассечение плоти, например. Операции тут уже проводили. Базовые, правда.

Я утащила у травницы методички с медицинского курса и вызубрила их практически наизусть.

* * *

Кроме тех трех брошюрок, больше ничего подходящего во всем пансионе не нашлось. Медитацию я уже освоила, а лечение монахини, похоже, сочли неподходящим для изучения девочками, потому что ни одной книги по медицине, анатомии или хоть чему-то подобному я не обнаружила. Из схожего по тематике в библиотеке, кроме той полки с резервом, было еще две полки по бытовой магии, но мне сие ни к чему. Мне и на лечение-то еле резерва хватает, куда еще пыль собирать? Мы лучше по старинке, тряпочкой...

Методички содержали только краткие выжимки из теории, но и таких базовых знаний мне хватило, чтобы представить, на каком уровне здесь медицина. Не на зачаточном, конечно, но и не на современном – точно. Может, они что-то более продвинутое на старших курсах и проходят, но чтобы вообще инвазивной хирургии не было в программе?..

Разрезы здесь применялись, чтобы вытащить застрявшее оружие, например, или вскрыть нарыв. Полостных операций не проводили вообще.

От аппендицита и внематочной беременности умирали. Магия могла восстановить тело до здорового состояния, то есть снять воспаление, но причину воспаления – скопление отходов в кишечнике или зародыш не в том месте – убрать почему-то не могла. Или не знали, как? В общем, воспаление начиналось по новой, и в итоге убивало носителя.

Про стоматологов и гинекологов вообще слыхом не слыхивали. Это я уже узнала от травницы. Брай вообще меня неплохо просветила насчет местных нравов и обычаев. Ее не беспокоили мои странные вопросы: для девочки, которая провела за стенами пансиона большую часть жизни, это были вполне логичные вопросы. Конечно, травницу удивляла сфера моих интересов, но она и сама занималась не совсем положенным женщине делом.

– Какие-то врачи для женщин, о чем ты говоришь, милая? – хмыкнула она, передавая мне миску с сухой мелиссой и пестик: траву требовалось перетолочь в порошок.

Так вот, о местной гинекологии.

– Повитухи же есть, – пожалала она плечами, когда я поинтересовалась, как женщины рожают без врачей. – Бабы – они завсегда родят. А обмыть ребенка и роженицу, принять послед и прочее повитухи смогут.

– А если ребенок не так лежит? Или не рождается долго? Тогда как?

Брай испытующе глянула на меня, недоумевая, откуда я знаю столько о рождении детей.

– Я вот, например, долго рождалась. Потому у меня и проблемы, – поспешно пояснила я, помахав скрюченными пальцами левой руки.

Травница кивнула.

– Вот так и рождаются. Или помирают, болезные.

– Это же лечить можно! А маги на что? Лекари? – изумилась я.

Да одно сканирование меня уже впечатлило, это же никакого МРТ не нужно. И при таких возможностях не делать кесарево? Не проверять плод в утробе? Да хотя бы сердцебиение!

Брай только отмахнулась.

– Кому мы, женщины, нужны, лечить нас еще... Беременность – не болезнь, так ведь говорят. Все рожают – и мы родим. Или померем. Так, опять же, все помирают, рано или поздно.

– Лучше поздно, – пробормотала я, пораженная таким подходом к лечению.

Ничего себе отношение к женщинам!

Что это лишь верхушка айсберга, я поняла чуть позже.

А пока штудировала книги и готовилась исправлять данное мне природой.

К самолечению приступила поздно вечером. Легла на жесткий тюфяк, расслабилась, вдохнула, проверила резерв. Полнехонек – светится, родимый.

Первая же попытка поправить магией слишком короткую локтевую мышцу заставила меня взвыть от боли и вцепиться зубами в подушку, чтобы не перебудить весь этаж. Такое чувство, что меня начали оперировать тупым инструментом без анестезии.

В каком-то смысле так оно и было. Я пыталась сделать магией поперечный надрез. Кто же знал, что при магической хирургии тоже нужно обезболивать?

Отдышавшись, я полезла за заветными брошюрками.

Я их хранила весьма банально – под кроватью. Не знаю уж, для красоты ли оно так было сделано или с какой функциональной целью – я не мебельщик, – но изнутри около ножек в бортах кровати были зазоры. В них отлично вставились книги корешками вперед, будто на полку. Торчали они, конечно, и, если матрас снять полностью, были прекрасно видны, но луч-

шего тайника в комнате я не нашла. Ну да я ненадолго, на пару дней. Разберусь с заклинаниями и техниками, отнесу обратно к травнице. У нее сохраннее будут.

Перелистав их одну за другой – помню же, попадалось что-то подходящее, – я наконец обнаружила искомое.

Заклинание анестезии из методички для второго курса медицинского факультета подействовало. Да так здорово, что проспала я до самого обеда.

Когда, наконец, приоткрыла глаза, солнце лупило прямо в лицо. В голове шумело, во рту пересохло, как с хорошей попойки. Отдача от опустошения резерва и магической анестезии налицо. На всякий случай я проверила шарик в солнечном сплетении – еле тлеет. Опять.

Срочно обедать!

– Я тебя звала-звала, а ты никак, – прошептала мне Хилли за столом, пододвигая миску с овощным рагу.

Она берегла мою порцию, потому что в нашем серпентарии клювом не щелкают, мигом доедят и свое, и чужое. С тех пор, как мы подружились, девочка осмелела и уже не боялась давать отпор, особенно когда посягали на что-то мое. Свое она по-прежнему стеснялась защищать. Такой вот выверт психики.

– Устала вчера в лесу, – отговорила я.

Очень удачно я все же Брай встретила – все что угодно на нее свалить можно.

Врать Хилли было противно, но рассказывать о своей новоприобретенной магии я была не готова. Даже самой близкой подруге. Я еще сама толком не приняла тот факт, что я какая-никакая, а целительница. Вот сначала разберусь, какой у меня уровень и стоит ли он вообще упоминания, научусь им управлять, тогда и расскажу. Может быть.

Другая мысль, мелькавшая иногда, только укрепляла мое решение молчать.

А как отреагирует Хилли? Как добрая душа, она, конечно, за меня порадует. Поначалу. А потом неизбежно задастся вопросом: а почему не она? Почему мне повезло, а она как была пустышка, так и осталась? Магия в этом мире приравнивается к благословию, то есть все владеющие ею были как бы избранными свыше. Так переживет ли наша дружба такое испытание? За себя я была спокойна – не тот менталитет: мне глубоко начхать на все эти одаренности-обделенности. Но каково будет выросшей в этой строгой иерархии Хилли?

В общем, лучше не проверять.

Чопорная сестра Аннора, отвечавшая за наши манеры, пребывала в глубоком шоке. Черствые лепешки, лежавшие обычно на столе в качестве декорации – на них никто не покушался в силу их крепости, – сегодня подверглись нападению с моей стороны. Вылизывать тарелку я не стала, но вот подливу подобрать сухарики вполне сгодились.

Так я осталась без завтрака, зато с отработкой в курятнике. Проспать считалось довольно тяжелым преступлением. Не до коровника, конечно, но покопаться в курином помете пришлось. Пахла я после этого соответствующе. Хорошо хоть, сначала пустили поесть, потому что меня даже не мучило от запаха. Нечем было. Организм моментально все усвоил и громко орал желудком, требуя добавки. Его всякие тонкости вроде вони не интересовали.

Пока я перебрала и перестелила всю солому, наполнила кормушки и поменяла воду, день склонился к вечеру.

Полдник в пансионе существовал исключительно для преподавательского звена. Монахини чинно попивали свой пятичасовой чаек, в то время как девочки должны были в поте лица заниматься рукоделием.

Но какая вышивка с такими руладами! Я была готова рискнуть новым наказанием, но вместо меня за едой уже сбегала Хилли. Она пробралась на кухню и принесла мне в комнату целый кулек с пирожками с вишней. Мышкой, туда и обратно. Повезло, не заметили.

Кухарка после нескольких подношений стала куда щедрее. Надо не забыть еще вознаградить – силы мне понадобятся теперь вдвойне.

– С тобой все в порядке? – Хилли испуганно наблюдала, как я поглощаю выпечку. Моего благородства хватило поделиться с ней целыми двумя пирожками, остальные я заглотила практически не жуя. – Ты какая-то бледная. То есть бледнее обычного.

Ну да, я в норме-то выгляжу чуть румянее зомби, а после того как опустошу резерв, так еще краше. Я проверила – еле тлеет опять. Убойное снотворное попало. На себе с таким оперировать невозможно. Тут либо операция, либо спатеньки.

Но лечиться-то как-то надо! Я же от боли сосредоточиться не могу, а мне нужно следить, куда я магию направляю и в каком количестве, чтобы снова с пустым резервом не остаться.

– Все хорошо, Хилли. Спасибо за заботу, – мягко улыбнулась я единственной подруге. – Наверное, до ужина к Брай сбегая. Хочу у нее укрепляющий отвар попросить.

Девочка ожидаемо надулась. Она явно ревновала меня к травнице: я все больше времени проводила в лесу или в хижине и все меньше – с Хилли.

– Опять ты к этой ведьме, – пробурчала она. – Не доведет она тебя до добра. Может, ты и бледная такая, потому что она из тебя силы тянет? Ты бы поостереглась.

Я пересела к ней поближе и приобняла за худенькие плечи.

– Ты моя самая лучшая подруга, и никакие травницы твое место не займут. Мне просто нужны знания, Хилли. Считаю ее просто еще одной монашкой-наставницей.

– Ты с ней проводишь почти все время, что мы не на уроках. Я тебя вообще не вижу больше. – Девочка все еще дулась.

Я вздохнула. Она была права. Но Брай отказывалась брать с собой Хилли, объясняя это тем, что присматривать за двумя детьми сразу не сможет. Да и сама подруга не горела желанием посещать ведьму на регулярной основе.

– Давай так: я сегодня сбегая к травнице, а потом всю следующую неделю к ней не пойду. Договорились?

Все растения, цветки или свежие побеги которых нам были нужны, уже либо отцвели, либо вымахали, как кусты, и в отвары уже не годились. Так что в лес в ближайшее время мы если и пойдем, то за ягодами или корнями. Это может недельку подождать. А подруг не бросают.

Хилли закивала, ощутимо повеселев. Я обняла ее еще раз и поспешила к домику травницы, пока не подошло время вечерней молитвы и трапезы.

Обезболивающее мы приготовили быстро.

Я попросила Брай помочь мне, не вдаваясь в подробности. Соврала, что болят суставы – не могу нормально спать. Она нашла самый сильнодействующий рецепт, в порошке, но строго предупредила о побочном эффекте: при передозировке я рисковала не проснуться вообще.

Учту.

● Глава 4 ●

Дозу я рассчитывала долго: недоберу – не подействует, сыпану многовато – опять просплю до обеда. Главное – не слишком много. Не проснуться совсем мне не хотелось. Наконец опытным путем я нашла идеальное соотношение, при котором ощущения тела притуплялись, а мозг оставался активен.

Теперь можно и оперировать.

Проводить надрезы на самой себе оказалось неожиданно удобно. Боль ушла, осталось только ощущение легкой заморозки, как в стоматологии. Вроде все чувствуешь: и как плоть поддается, и как волокна мышечные раздвигаются, а в голове – спокойствие и какая-то пустота. Но пустота правильная, холодная. А где-то в глубине голос нашего завкафедрой командует:

– Ниже, ниже подрезай. Тут тоненько – порвешь и не заметишь. Теперь натяни, чтоб видно было, где следующий делать. Разгибай руку, разгибай.

Почему мое подсознание выбрало именно строгого, но очень умного бородача для руководства операцией – понятия не имею. Было сюрреалистично, но временами даже весело.

Сильно подозреваю, что среди трав для порошка затесались мухоморы.

Ничего этого в методичках не было даже близко. На самом деле, все, что в них содержалось, – теория. Принцип построения заклинания, несколько примеров, среди них то самое, убойное обезболивание, и магический сканер, почти МРТ. Все остальное я придумала сама, буквально на коленке: просто представляла, что должно произойти, вливала силу и называла как-нибудь. Вроде «стежок» или «разрез». Я практически уверена, что приличные маги-целители лечат как-то по-другому, и мое желание попасть в академию увеличивалось с каждым днем.

Как я поняла из местных газет, академия одна на всю столицу, и обучают там всему, просто на разных факультетах. На отделения бытовой магии и искусства даже принимают женщин! Из тона статьи можно было догадаться, что молоденькие аристократки отправлялись в академию из трех соображений: это модно, это повышает престиж семьи и там можно найти мужа. Причем последнее перевешивало все прочие.

Следующие две недели прошли как всегда. Я потихоньку разрабатывала руку и ногу. Решила начать выздоровление все же с ноги. Раз я не могу ходить в лес из-за обещания, данного единственной подруге, проведу неделю с пользой. Несколько дней я лежала практически все время, только спускалась поесть и на занятия, хромая пуще прежнего. Бинты было сделать не из чего, как и гипс, а болели надрезанные мышцы знатно. Наконец я дождалась, пока заживет прооперированная нога, и начала гулять с пользой в компании Хилли по территории пансиона, а затем и с Брай – в лесу.

Все это время я ела как не в себя, стараясь при этом еще и не нарушать этикет и приличия. На кухне меня и так ждал десерт, подруга приносила под передником регулярно прямо в комнату то сдобу, то фрукты-овощи. Хилли радовалась добавке как суший ребенок, кем она, собственно, и была. Что такое шестнадцать лет? Мы вместе уминали перекус, а потом читали что-нибудь интересное, но не очень полезное, вроде «Модного Вестника». Девушку очень интересовала одежда, она неплохо шила, и я уже начала прикидывать, во сколько нам обойдется открыть ателье в столице. С меня – идеи-инновации, с Хилли – адаптация под местные вкусы и проработка деталей. Шить вместе можем поначалу, потом еще работников найдем.

Будущее рисовалось не таким уж и мрачным. Главное, чтобы меня все же из пансиона выпустили, а не постригли насильно. Но если что, всегда сбежать можно. Железная дорога рядом, я проверила. На перегоне поезд всегда притормаживает – залезть зайцем вполне реально.

На очередное занятие танцами я попала уже полностью излечившись. Прошное пропустила, потому что даже у стенки стоять было больно, не то что с Хилли танцевать. Сказалась больной, покашляла – сестра Деми хоть и строга, но справедлива, разрешила не заражать окружающих.

Все было как в первый раз. Ноги ступали сами, наконец-то я не заваливалась на сторону и не заплеталась в конечностях. Подхватив оторопевшую Хилли, я кружила ее в вальсе с профессионализмом умудренного годами опыта танцовщика.

Увлечшись, я не сразу поняла, что музыка стихла. Скрипачки и пианистка из старших девочек с полным обалдением на лицах следили за нашим полетом по паркету.

Редкие, четко выверенные хлопки нарушили мою эйфорию. Сестра Деми аплодировала, внимательно глядя на мои движения и одобрительно кивая. Девушки сгруппировались в стороне и горячо перешептывались.

Мы с Хилли отступили друг от друга и переглянулись, не особо понимая, что теперь делать. Меня кольнуло предчувствие больших неприятностей.

Зря я вылезла, ой, зря. Только осознала я это поздно: когда матушка Ригна, срочно вызванная в бальный зал, обвела меня взглядом, особое внимание уделяя свободно висящей вдоль тела руке, и расплылась в довольной улыбке.

– Это настоящее чудо. – Настоятельница набожно сложила руки на груди, глядя, как я осторожно приседаю в приветственном реверансе. Нога слушалась прекрасно, но я подсознательно продолжала ее беречь, не доверяя полностью собственному телу. Мне еще тренироваться и тренироваться до полного выздоровления. – Я просто обязана отписать твоим родителям! Такое редкостное событие! Воистину, Всевышний благословил наш пансион!

При чем тут целый пансион, я не совсем поняла, но настоятельнице виднее.

Ухватив за локоть, женщина оттащила меня в сторонку и понизила голос.

– Просто невероятно! Как тебе удалось? Я должна немедленно написать об этом его величеству! – Матушка Ригна мелко закивала сама себе в подтверждение. – Такая радостная новость!

– Нет-нет! – поспешно вскинулась я.

Только этого мне не хватало! Я еще не до конца вылечилась, и магия только развивается, да и вообще – во дворец мне не хотелось категорически. В памяти еще были свежие сцены с участием второй принцессы, где я никто и звать меня никак и место мое где-нибудь вне поля зрения красотищи, дабы не оскорбить ее тонкий вкус моей скособоженностью.

Спасибо, я лучше нормально окончу пансион, а после восемнадцати подумаю, кем мне стать, когда вырасту.

– Не надо писать отцу, пожалуйста! Я... я хочу ему сделать сюрприз! – выпалила я.

В ту минуту ничего лучше мне в голову не пришло, но, как ни странно, детский довод подействовал. Настоятельница, помедлив томительную секунду, согласно кивнула.

– Только не тяни с сюрпризом, дитя мое. – Она наклонилась ближе и еще понизила голос, до почти неразличимого шепота: – В столице тебя могут ждать приятные перемены, поэтому советую не затягивать с радостной новостью.

Так. Это какие еще приятные перемены?

Вместо того, чтобы накинуться на настоятельницу с вопросами, я только молча кивнула. Писать я в ближайшее время никому не собиралась. Больная я им не нужна, видите ли, а как выздоровела – так сразу перемены и сюрпризы? Обойдусь, спасибо.

* * *

По ночам стало холодать. Сентябрь вытеснял лето медленно, но уверенно, и начал с темного времени суток. Перепады температуры получались внушительные, до двадцати градусов, то есть по ночам было всего лишь пять-шесть выше нуля.

Хилли повадилась приходить ко мне с ночевкой. Все-таки два одеяла грели куда лучше одного, да и наши тела, прижатые друг к другу, тоже работали дополнительным отоплением.

Днем же мы виделись только на занятиях: я снова пропадала в лесу с Брай. Подошла пора собирать корни и грибы. Последние не только для отваров: травница весьма уважала грибные супы, да и вообще неплохая белковая прибавка к рациону. Я с ней в этом вопросе была полностью солидарна, к тому же упражнения, наклоны и приседания помогали тренировать ногу, а тяжелая корзинка и манипуляции с ножом – руку.

Зато к вечеру все тело гудело так, что не разогнуться.

Постоянные тренировки и использование резерва сделали свое дело. Я, уже почти не задумываясь, ощущала степень наполненности и яркости шара в груди и ювелирно отмеряла порции магии для заклинаний. Сейчас резерв был практически полон. Операции я закончила еще на прошлой неделе и, как заметила мать-настоятельница (чтоб ей повылазило!), выглядела уже почти нормально. Теперь главное – продолжать занятия и отвыкнуть от привычки волочить ногу и прижимать руку под грудью. Со здоровыми конечностями это выглядело вдвойне странно.

Хилли прижалась к моему боку теснее, подсознательно ища тепла.

Одеяло, выданное пансионом, только теоретически называлось шерстяным: в нем было столько дыр и заплаток, что скорее его следовало назвать кружевным. И грело оно соответствующе. О дополнительных вещах воспитанницы могли лишь мечтать, будь то одежда или предметы обихода, так что все годы обучения приходилось терпеть, мерзнуть и закаляться.

Ну, хоть платья меняли в соответствии с ростом. Но то, скорее, из соображений приличия: выше щиколотки юбки не положены как леди, так и (тем более!) монашкам. Обувь выдавали неохотно и размера на два больше, чем нужно. На вырост. Так что за эти десять лет у меня сменилось всего три пары. Нынешняя уже ощутимо поджимала пальцы – надеюсь, в ближайшее время выдадут новую. Хорошо хоть, зимы в Рионе не холодные и короткие. Даже снег бывает редко, а так – около двух-трех градусов днем, а по ночам подмораживает до инея. Так что одной парой вполне можно обходиться круглый год, только носки потеплее.

Повертевшись и так и эдак, я поняла, что мне нужно в туалет. Вставать в негостеприимный холод не хотелось, но и заснуть никак не получалось. Пошарив рукой, я нащупала вязаную шаль – очередной дар Брай. Хоть и поизносившаяся порядком, она отлично грела, уж точно лучше одеял. Жаль, что узенькая, всего сантиметров тридцать в ширину, почти шарфик, а то я ей бы и укрывалась.

Замотавшись в шаль по самые уши, я выползла в холодный и темный коридор. Не, я так далеко не уйду. Все же надо свечку зажечь. Вернувшись в комнату, я взяла с тумбочки подсвечник и, крадучись, снова вышла. Зажгла огонек от горевшей в коридоре лампы – как раз на такие случаи – и пошла по своим делам.

Отсутствовала я недолго, минут пятнадцать. В тишине спящего пансиона в какой-то момент мне почудился протяжный скрип. По замерзшей и без того спине пробежали мурашки: только призраков мне не хватало.

Вернувшись в келью, я поставила свечку на стол, но не задула.

Это за меня сделал сквозняк.

Насторожившись, я оглядела комнату. В отличие от коридора, тонувшего в темноте, кроме крохотного уголка с лампадой, комната, хоть и скудно, освещалась луной. Даже без

дополнительного огонька было видно, что окно приоткрыто. Рама прилегала неплотно, и я всегда закрывала ее с усилием, еще и натыкала травы в щели, чтобы не дуло. Под моими ногами сухо хрустнуло сено.

Неужели Хилли стало душно и она решила проветрить? Сомневаюсь.

Осторожно, на цыпочках, я прокралась к окну. Крючок, сцеплявший рамы, был откинут, и створка чуть поскрипывала, движимая сквозняком. В саду под окнами мне почудилось движение, и я поспешно прижалась к стене, уходя из зоны видимости.

– Хилли, ты спишь? – прошептала я, подозревая дурное.

Подруга не ответила.

Я шагнула к кровати, преодолевая внутреннее сопротивление, уже догадываясь, что там увижу, и страстно желая оттянуть этот момент.

На одно жутковатое мгновение мне показалось, что это я лежу на постели, откинув голову на подушку и обнажив незащитное горло. Шею, будто тугое коралловое ожерелье, перечеркивала поперек алая полоса. Крови вытекло немного... «Скорее, ее задушили чем-то вроде проволоки, чем перерезали горло», – механически отметил врач где-то глубоко внутри меня.

Дрожащей рукой проверила пульс. Конечно же, нету. Тронула сканирующим заклинанием мозг и сразу свернула. Поздно. Реанимации не подлежит.

Меня-принцессу трясло от ужаса.

На ее месте могла быть я.

Минуточку!.. От внезапного озарения меня зазнобило так, что застучали зубы.

На ее месте и в самом деле должна была быть я. Это моя спальня! Мы обе пепельные блондинки, оттенок в темноте особо не различишь. Если кто-то не знает нас лично, а действовал по описанию или фотографии, которые в этом мире пока еще отвратительного качества и черно-белые, вполне мог перепутать, даже при свете, а уж в темноте и говорить нечего.

Меня хотели убить. Мысль с трудом укладывалась в голову. Кто? Зачем?.. Кому могла помешать калека из пансиона? «Калека-принцесса, потенциальная претендентка на трон», – поправила сама себя я. Паззл сложился неожиданно быстро.

Похоже, Ригна все же написала королю о чудесном исцелении. А письмо настоятельницы с благой вестью о моем выздоровлении наверняка не всех во дворце обрадовало. И первыми кандидатами в заказчики, которые пришли мне в голову, были, собственно, мои родители. Сестра вряд ли в шестнадцать лет готова нанять убийцу, чтобы избавиться от соперницы в борьбе за престол.

Хотя не исключаю и такую вероятность.

Я не в курсе тонкостей политической ситуации в мире и в столице. Газеты, конечно, давали представление о новинках в мире моды или законодательства, но все эти подводные течения и стремнины дворцовой жизни оставались в тени.

Визиты богато одетой пары в детскую вспоминались смутно, одно письмо в год с подарком и подачкой тоже не говорит о такой уж всепоглощающей любви. Они даже не приехали ни разу. А учитывая положение ущербных в местном обществе, мое выздоровление могло их и не порадовать.

Главная задача принцессы – удачно и выгодно выйти замуж. А кто возьмет в жены бывшую калеку? Толку от меня не будет, а слухи пойдут. Пока что мое существование не то чтобы секрет – все делают вид, что меня нет и не было, как здешние ученицы. Если бы я тихо ушла в монастырь, все вздохнули бы с облегчением: набожная принцесса куда лучше инвалида.

А если я буду всем мозолить глаза? Так и у сестры могут возникнуть проблемы с замужеством: кто захочет в жены девушку из семьи с подпорченным здоровьем? А значит, не будет наследников, или ее муж начнет диктовать условия королевской семье.

Настоятельница ведь точно не писала им о проснувшейся магии. Даже не знаю, к добру ли, что я утаила эту часть моего чудесного исцеления... Может, калека-маг пришелся бы моим родителям больше по сердцу?

И Хилли была бы жива.

Но кто же знал, что Ригна все же напишет в столицу, несмотря на мою просьбу?!

А вполне возможно, это и не родители вовсе. Тогда кому и чем я помешала?

После первоначального ступора на меня напала жажда бурной деятельности. Адреналин с запозданием подействовал.

Вовремя.

Мне пора срочно делать ноги.

Сначала нужно собрать вещи. Причем не мои, а Хилли.

Прости, милая: мне придется притвориться тобой.

Если я хочу жить, никто не должен узнать, что покушение не удалось.

Я сбегала к ней в комнату, стараясь ступать бесшумно. Теперь, с вылеченной левой стороной, это получалось куда лучше. Келья Хилли располагалась чуть дальше по коридору, через две двери, и не запиралась – так же, как и моя. Я прикрыла за собой дверь и оглядела зеркальное отражение собственной комнатухи. Для начала надо проверить, есть ли у нее где-нибудь тайник.

Не может быть, чтобы девушка сбегала, не прихватив свои вещи.

Проверив все ящики и полки и не найдя ничего, кроме форменной одежды и белья, я перешла к кровати. Разумеется, Хилли хранила все ценное под матрасом.

Милая и наивная девочка, особым умом бедняжка не отличалась.

Так, главное не думать, где она сейчас и что с ней. Мне только расклеиться сейчас не хватало.

В тряпице оказались простенькая цепочка с небольшим кулоном из жемчуга в форме капельки, сложенная в несколько раз бумага и россыпь медяков. Мелочь я стряхнула в карман фартука – пригодится. Цепочку пока что туда же, чтобы не запутаться от нервов. Развернула бумажку – крохотное фото, отдаленно напоминающее Хилли в детстве, и несколько строчек текста. Имя, фамилия, возраст, особые приметы, адрес. Паспорт.

Пригодится.

Сгребла нижнее белье, которое чистое – положу к себе на полку, его не нумеруют, никто не заметит подмены. Размером мы примерно одинаковые.

Обувь. Ко мне она приходила в вязаных тапочках. Значит, нужно ее обувь тоже переставить ко мне – вроде как это моя.

Вернувшись с ворохом вещей к себе, я быстро рассортировала их по местам. Свои сложила на стуле стопочкой, чтобы не перепутать.

Подумав, я вытянула из-за ворота собственную цепочку. Кольца-печатки лежат в схроне вместе с деньгами, а цепочку я продолжала носить. Отчасти чтобы показать настоятельница, что у меня есть собственное мнение и с ним стоит считаться – не будет же она отбирать драгоценности силой, – отчасти потому, что хоть и редкие были подарки, но родители обо мне не забывали.

Сейчас с этим приметным подарком придется расстаться. Он подтвердит личность лежащей в постели девушки. Тонким золотым ручейком цепочка стекла на туалетный столик. Подойти к Хилли я пока не могла себя заставить. Сначала все соберу, закончу что могу... Потом.

Я чувствовала себя виноватой в ее смерти. Умом я понимала, что убила не я, значит, и грех не на мне, но глубоко внутри что-то выло в тоске – не уберегла, не спасла... Если бы меня

не понесло среди ночи в туалет, убийца мог бы и передумать – испугался бы свидетелей или решил, что кельи перепутал.

А мог убить и обеих.

Отгнав угнетающие мысли – потом поплачу, когда будет куда забиться безопасно, – я сконцентрировалась на сборах. Сумка для трав, из которой я вытряхнула залежавшуюся труху, как раз пригодилась. Сменное белье, набор инструментов травницы – лопатка, серпик, нож, все размером с ладонь, не больше, в отдельном футляре. Никогда не знаешь, что пригодится в дороге. Яблоко, чудом оставшееся от полдника, полетело в сумку, следом – тщательно свернутая шаль.

Собственно, на этом мои вещи закончились. Жизнь в пансионе не способствовала обрас-танию барахлом. Брать с собой было больше нечего.

Как бы я ни тянула с самой тяжелой частью плана, придется приступать. И поскорее, пока все спят.

Нужно заняться сначала собственным лицом, потом изменить Хилли.

По дороге к зеркалу я заметила, что на полу что-то блеснуло. Как дорожка, ведущая к окну, влажной цепочкой выстроились следы. Так. Что там делали на заре криминалистики? Я схватила лежавший на столе лист бумаги и осторожно, приглядываясь, чтобы случайно не вступить в капли, подобралась к отпечаткам. Теперь аккуратно: неплотно положить сверху и сразу отнять – вода пропитывает местные листы мгновенно. Быстро, пока отпечаток не расплылся, обвела его карандашом тут же, на полу, поглядывая для сравнения на поблескивающий под луной оригинал.

Не знаю, насколько такая примитивная улика окажется полезной, но хотя бы размер обуви убийцы я теперь знаю. На всякий случай я еще замерила расстояние между отпечатками. Как определить рост по этим данным, я себе представляла смутно, но опытным путем, думаю, выясню. Главное, хоть какая-то зацепка.

Бумагу я положила на просушку поверх сумки. Пока закончу с пластикой, как раз высохнет. Придвинула шаткий стул к крохотному зеркалу над умывальником, чтобы невысоко было падать в обморок, если что, и решительно нюхнула крохотную дозу обезболивающего. Осталось еще после лечения, к моему великому счастью. Как бы я сейчас изменяла лицо без анестезии, не хотелось даже думать.

В зеркале я напоминала самой себе юную Клаудию Шиффер, только без родинки и рот чуть поменьше. Что ж. Пора сделать себе пластическую операцию. Не в лучшую сторону.

Кончик носа пришлось опустить, глаза уменьшить, надбровную дугу чуть увеличить, чтобы она нависала над глазами. Хилли была хорошенькой по местным меркам, то есть обладала круглым покатым лбом, ротиком-бантиком и пухлыми щечками, несмотря на общую худобу. Нарастить на своих скулах ткани я бы сейчас точно не смогла – на это уйдет весь резерв. Если что, сошлемся на скудную кормежку в пансионе. Впрочем, пересекаться с людьми, близко знавшими Хилли, я не собиралась. Я не настолько цинична, чтобы на самом деле жить жизнью почившей подруги. Главное – попасть в столицу, а там сделаю себе новые документы, а возможно, и новое лицо.

Желудок пронзительно заурчал, сигнализируя, что для таких энергозатрат срочно необходим завтрак, а он и ужина-то толком не видел. Хорошо, что мой резерв все же успел за эти месяцы чуть прокачаться, а я – отточить заклинания, так что мне вполне хватило на изменение собственной внешности до неузнаваемости, и еще прилично осталось.

Достав из кармана фартука лежалый сухарь, я мрачно принялась жевать. Мне силы понадобятся, я еще и не приступала толком к задуманному.

Я нюхнула еще порошка, чтобы заглушить боль. Слишком много нельзя: отключусь или перестану соображать, а мне еще из окна лезть и калитку вскрывать.

Продолжительная практика с мелкими мышцами на руке не прошла даром. Я отточила фиксирующие заклинания до совершенства. Это как платье: чтобы сшить новое, понадобится не один моток ниток. Но всего лишь ушить, посадить по фигуре, можно несколькими стежками. То же с лицом. Если бы я задумала менять структуру, увеличивать нос или наращивать подбородок, ушла бы прорва энергии. Вместо этого я подтягивала пальцами кожу в нужном направлении и буквально закрепляла магическим уколом.

Теперь еще одно, последнее, усилие. Себя я изменила. Осталось довершить подлог.

От умывальника с зеркалом до кровати два шага. Самые тяжелые два шага в моей жизни... Хилли так и лежит на подушке, запрокинув голову и выставив горло. Крови еще чуть-чуть натекло – белое пропиталось и потемнело.

За окном светлеет – близится рассвет. Нужно бы поторопиться.

С волосами я ничего сделать не могу, надеюсь, что сильно приглядываться не будут. У нас обеих они очень длинные и светлые. На фоне шока от мертвого тела, надеюсь, не обратят внимания на тонкости оттенков.

Увеличиваю Хилли губы, меняю форму носа на слегка вздернутую. Просто сдвигаю пальцем чуть вверх и фиксирую. С мертвым телом работать и проще, и сложнее одновременно. Ткани застывают, холодеют и тяжелее поддаются изменениям, зато организм не сопротивляется, позволяя тратить меньше магии на закрепление результата. Лицо послушно, как пластилин, приняло нужную мне форму. Приподнимаю линию бровей, чуть меняю нижнее веко – оно у Хилли всегда припухшее, будто она плакала. Подкожный слой плывет вообще сам по себе, так что мне даже остаются какие-то тлеющие уголки в резерве.

Мало ли... На крайний случай.

Отступив, в первых рассветных лучах разглядываю собственное лицо на подруге.

Слез нет, страха тоже. Чувства будто притупились, оставив место только холодной логике и разуму. Которые хором вопят, что пора выбираться.

● Глава 5 ●

Лезть из окна смысла нет: меня могут увидеть из монашеского крыла. Не торопясь, спокойно спустилась по центральной лестнице. Еще рано, даже те, кто уже проснулся, только умываются или приводят себя в порядок в комнатах.

Никого не встретив по дороге, вышла с черного хода в сад.

Темно-синее форменное пальто кусает шею даже сквозь платье, зато хорошо греет. В модных журналах я видела подобные модели, так что никто не сможет сказать, что я из пансионата: никаких опознавательных знаков на нем нет, я проверяла. Вот по платью меня в момент бы опознали, на нем характерный крест Святой Елены с узором из выющейся розы: большой на спине и маленький, вроде брошки, на груди. Мы сами себе вышивали на каждом новом платье. Хорошо, что у меня есть запасные наряды Брай.

До клада я добралась быстро. Он как раз очень удачно был закопан недалеко от старой калитки. Я ее проверила – так и есть, открыта. На замке царапины, но он ветхий, его даже я бы вскрыла шпилькой. Так убийца и попал внутрь.

Получается, как минимум он хорошо разведет местность перед тем, как влезать в мое окно. Или у него был осведомитель внутри. Или он бывал здесь раньше... Хотя нет, это вряд ли. Чтобы знать про заднюю калитку, нужно либо очень внимательно изучить весь забор, либо пожить в монастыре. Убийца-женщина? Все может быть, конечно, но размер ноги все же указывал скорее на мужчину.

Набор, с которым мы ходили всегда в лес с Брай, пригодился. Лопаткой я быстро, не заботясь о сохранности выросшей травы, отгребла землю над своим кладом. Не нужно уже скрывать тайник: если поймут, мне все равно не жить – тут уж не до денег. Кольца снова повисли на цепочке, скрытой высоким воротом платья, фунты прямо в мешочке привычно переключались в лиф. Карманы у платья были, но туда я положила только мелочь, и то не всю – вдруг воришки попадутся. Остаток меди ссыпала в небольшой внутренний кармашек сумки. Главное – ее не класть и не переверачивать, чтобы все не просыпалось: карман не закрывается.

Ночной убийца заботливо прикрыл калитку, и я последовала его примеру. Чем позже обнаружат, каким путем я покинула территорию, тем лучше. По привычной тропинке, которой мы с Брай гуляли почти каждый день, я двинулась в сторону железной дороги.

В висках стучало, ноги еле шли, скованные ужасом. За каждым шевелением куста мне мерещился затаившийся убийца, который как-то уже прознал, что ошибся, и вернулся доделать начатое. Думаю, если бы вдруг вспорхнула какая-нибудь птичка, я бы скончалась от испуга.

Обошлось.

Минут через десять быстрого шага я вышла к насыпи. Две полосы блестящих рельсов змеей выползли из перелеска, чтобы скрыться за дальней рощей на горизонте.

Как я заметила, в этом месте поезда всегда притормаживают. Через такие перегоны часто водят скотину, да и люди переходят пути, а до подземных тоннелей или шлагбаумов здесь еще не додумались. Сами поезда – новинка, первый запустили лет десять как. Брай упоминала, что влево движутся поезда, идущие в столицу, вправо – на тонкий перешеек, соединяющий Рион с сушей, к границе с Провенсом.

На распутье я замерла в задумчивости. Куда теперь? На провенском я неплохо говорю, за местную сойду вряд ли, но объясниться вполне могу. Наймусь в какую-нибудь школу, буду учить детей рионскому. Может, поступлю в местную академию... Правда, медицина в Провенсе, говорят, еще хуже, чем в Рионе. Чему меня там научат?

Или я могу податься в столицу: попытаться выяснить, кто меня хотел убить, поступить на медицинский, добиться реформ, позволяющих учиться на лекаря не магам и женщинам...

Ну, даже не знаю.

За меня все в который раз решила судьба: первым показался поезд, идущий налево, к столице. А знакам судьбы я уже привыкла доверять...

Сам паровоз я видела впервые. Кабина машиниста была огорожена стеклом и металлом, двигатель – как на ладони. Станный дизайн: все шестерни наружу. Увлекательно, конечно, но если пыль попадет?

Увесистые колеса, сцепленные зачем-то поперечным блоком, с натугой крутились в обратную сторону, замедляя ход состава. Вот машинист включил полную блокировку, раздался душераздирающий скрежет – и мимо меня медленно и печально поплыли вагоны. Из интерьера мне с моего ракурса был виден только потолок. Так вот он в первом вагоне напоминал изысканные дворцы: с рельефами, узорами и хрустальными люстрами – не висячими, как я привыкла, а вытянутыми наподобие ламп дневного света, но тем не менее обвешанными хрустальными висюльками. Вместо лампочек виднелись газовые светильники. Понятно, до переносного электричества еще не додумались.

Следующие вагоны были отделаны куда проще: беленый потолок, занавеси и несколько горелок под потолком, на стене. В последних двух вагонах все было по-спартански. Даже потолок не побелили. Пожадничали.

Замыкал состав короб на колесах – похоже, багажный отсек. Позади каждого вагона имелось подобие крылечка, с забором и несколькими ступеньками. Туда-то мне и надо.

«Главное – не запнуться о рельсы», – сказала я себе, выскакивая на пути сразу за поездом. Ноги скользили по гравию, в туфли моментально набилась каменная крошка, но я упрямо припустила за едва ползущим вагоном. Площадка-крыльцо оказалась на месте, только приспособлена она была, чтобы на нее ступали с перрона, а не с земли, поэтому нижняя ступенька находилась где-то на уровне моей талии.

«Придется допрыгивать», – поняла я.

Вовремя я подлечилась. В прежнем состоянии и думать было нечего так скакать по шпалам.

Допрыгнула и зацепилась руками за перила с первого раза. Ноги подтянула, утвердилось на каком-то выступе декоративного узора и поняла, что попала – поезд набирал ход, а крыльцо было забрано высокими тонкими прутьями до самой крыши. Я их поначалу и не разглядела. Через борт мне не перелезть.

Я присмотрелась, стараясь не паниковать. Скорость все возрастала, поезд – и меня вместе с ним – нещадно трясло. Если рука сорвется – несколько переломов мне точно обеспечены. Вроде там, где ступеньки, открытое пространство. Теперь основная задача – перебирать руками и ногами влево, к лестнице, и обогнуть несущий столбик на углу.

Руки скользили по ледяному металлу, левая, непривычная к нагрузке, норовила разжаться, юбки цеплялись за перила и невидимые заусенцы ступенек, но я упорно лезла на площадку. И наконец мне это удалось. Да, костюмчик у меня не очень подходящий для эквилибристики... Хорошо, что обошлось без падения на рельсы!

Немного посидела на подрагивающем деревянном полу крыльца, приходя в себя.

От резкого свистка я подпрыгнула и больно ударилась попой о жесткий пол.

Поезд подъезжал к станции.

* * *

Первым после, собственно, паровоза шел вагон первого класса. Билеты стоили по фунту, и ездили в нем исключительно аристократы. Там, как я читала в одном из журналов, имелись кабинки с кроватями для отдыха, диванная зона для чтения и общения и, кроме того, аж целый санузел! Пассажирам второго и третьего класса такой роскоши не полагалось – они обходились одним туалетом, даже без рукомойника.

Во втором вагоне обычно путешествовали слуги и компаньонки тех, кто в первом. А всяким рабочим и прочим простым людям предоставляли еще целых два или даже три вагона третьего класса. В зависимости от популярности направления.

Самый последний вагон был отведен для скотины и багажа. Ехать с блеющими и гадящими козами мне не улыбалось. Все-таки в городе было бы неплохо появиться хотя бы в чистом виде. Да и проверять непременно будут. Я читала в газетах, что контролеры проходят по вагонам на каждой станции, наверняка и в багажный заглянут. Не одна я такая умная.

Поэтому, едва дождавшись, когда поезд остановился окончательно, я тихонько спрыгнула с площадки, надеясь, что меня не заметят, и отправилась на поиски билетной будки.

Нашлась она у самого входа на станцию. Я уже успела отчаяться, три раза пожалеть о своей праведности и почти решила плюнуть и поехать зайцем. Витиеватая надпись над шестигранной будкой, украшенной, как старые лифты, литым металлическим кружевом, гласила: «Блэграсс». Надо бы запомнить, хоть буду знать, если вдруг спросят, откуда еду.

– Это поезд в столицу? – неудобно изогнувшись, уточнила я у деда в окошке.

Он недружелюбно взглянул на меня исподлобья, пересчитывая мои три медяка второй раз, проверяя их чуть ли не на зуб, и процедил невнятное согласие.

Да-а, билетеры во всех мирах одинаковы.

Я едва успела получить на руки билет в третий класс и втиснуться в очередь идущих на посадку пассажиров. На первый я тратиться не хотела, да и выделяться я там буду слишком сильно. А во второй пускали только сопровождающую аристократов прислугу. Ничего, не облезу и в третьем.

На перроне у начала состава я заметила только трех пассажиров. Половина поезда, получается, пустует. Неужели владельцам железных дорог это выгодно? Странно. Может, другие поезда целиком состоят из третьего класса, просто мне так повезло? Не знаю.

Среди пассажиров рядом со мной были и мужчины, и женщины самого разного возраста, но в основном дееспособного, то есть детей не было вообще, и два старика, которых уважительно пропустили вперед. Все остальные в возрасте от двадцати до сорока. Похоже, на работу или на поиск оной. Четыре женщины держались вместе и тащили с собой объемные баулы. Переезжают, наверное.

Разделения на мужскую и женскую часть в вагоне не было – уже хорошо. Но люди как-то сами так расселись, что женщины оказались в самом конце, где заканчивались окна и вентиляция была похуже. Я успела пролезть вперед, поэтому заняла место с краю женской скамьи, рядом с оконной рамой.

Раздался пронзительный свисток, и поезд тронулся.

Живя среди монашек, я как-то притерпелась к общему серо-черно-белому стилю. Лишь попав в вагон, я, наконец, поняла, что выражение «серая масса» здесь стоит воспринимать буквально. Дамы из первого и даже второго класса, которых я мельком успела заметить при посадке, сияли и переливались яркими цветами, как экзотические птицы. Те же редкие женщины, что теснились со мной на неудобных скамьях третьего класса, напоминали вылинявшую моль. Все оттенки бежевых, серых и бурых тонов не придавали хорошего настроения хозяйкам платьев, так что ехали мы с постными и мрачными лицами, будто в московском метро в час пик.

Только все сидели.

От нечего делать и чтобы не разглядывать соседей по вагону – слишком долго мне вставлялось, что пялиться неприлично, и преуспели, – я чуть повернулась на скамье, благо сидела с краю, и принялась смотреть в окно на проползавший мимо пейзаж.

Да, с привычными электричками не сравнить. Двигались мы медленно и печально – не больше двадцати километров в час. Даже лошади бегут быстрее. Конечно, грузоподъемность

паровоза и коня несравнима, поэтому понятно, что паровоз выгоднее, но над скоростью инженерам еще работать и работать.

Леса и луга, поросшие диким бурьяном, постепенно сменились возделанными полями. Мимо проплывали то пятнистые коровы, то забитые по весне и уже успевшие чуть обрасти овцы, и воздух, попадавший в вагон через приоткрытые окошки под потолком, приобрел отчетливый аромат села со всеми его прелестями.

Моя соседка покопалась в объемной сумке и выудила свернутую хитрым образом тряпицу. Внутри оказался молодой зеленый лук, ломоть хлеба, три яйца и бумажка с солью.

Я покосилась туда только одним глазом, но желудок сразу среагировал неприлично громкой трелью, слышной даже сквозь стук колес.

– Ты что же, первый раз в поезде? – сочувственно спросила женщина, пылливо оглядывая меня.

В платье травницы, которое вполне возможно было старше меня, с потертой торбой через плечо я не сильно отличалась от прочих пассажиров третьего класса. Приняв глуповатый вид деревенской простушки, я старательно закивала.

– Первый, тетенька, как есть первый. Машина-то какая, и едет резво – жуть. Страшно, конечно, по первости-то, но меня в Дорсетте мамка ждет. Надеюсь, доеду...

Я размашисто осенила лоб круговым движением. В местной религии Христа не было, соответственно, и креста со всеми атрибутами тоже. Его заменил круг – символ вечности и Все-единого.

– Доедешь, конечно. На этой линии отродясь аварий не случалось, – кивнула женщина и неожиданно протянула мне уже почищенное, обмакнутое в соль яйцо. – На вот, пожуй, болезная, а то кожа да кости.

– Спасибо, тетенька, – искренне поблагодарила я, принимая угощение.

Сил после продолжительного колдовства не осталось ни магических, ни физических, и организм требовал своего. Тем более яйцо оказалось свежим и очень вкусным.

Натуральное, поди. Без консервантов и добавок, и ни одного лишнего гормона в составе птичьего корма.

– Лусия меня зовут. – Женщина разломала горбушку и предложила мне половину. – К племяннице еду. Она с мужем лавку держат, сладостями торгуют. Рожать ей скоро, первенец, вот и вызвала на подмогу. Тяжело уже кастрюли-то ворочать. А ты к кому, болезная?

Я аж вздрогнула, а потом поняла, что это меня так ласково обозвали за худобу и бледность, а вовсе не за кособокость. Осознанным усилием распрямив левую руку, которая уже успела привычно устроиться под грудью, укусила хлеб за хрустящую корочку.

– Я к родителям. Давно не виделись, – расплывчато обозначила я цель путешествия.

Отмалчиваться совсем было бы невежливо, но и подробности о себе раскрывать ни к чему. Я и так запомнюсь попутчикам: в моде была конституция булочки, а лицо – кровь с молоком, так что мой бледный скелетик на общем фоне несколько выделялся.

Ехали долго, не меньше шести часов. На поезд я попала с рассветом, а полдень давно уже миновал, когда за окном замелькали домишки, а затем и более солидные дома, похоже, даже многоэтажные.

Мы приближались к столице.

Небольшие городки и поселки мы проезжали и раньше, но они заканчивались чуть ли не быстрее, чем начинались. А тут сразу понятно, что въезжаем в культурный центр. Поля и фермы появлялись все чаще, потом деревня плавно переросла в город с его узкими улочками и высокими, аж в три-четыре этажа, зданиями.

* * *

Когда все засуетились, собирая вещи на выход, я незаметно ссыпала два медяка соседке в корзину. Не люблю быть должной, а добрые люди, как я успела понять, в этом мире редкость. И их надо поощрять.

Из вагона я вышла одной из последних. Перрон находился на расстоянии одной ступеньки. Вокзал бурлил снующими людьми: пассажиры, встречающие, громогласно предлагающие услуги носильщики багажа и извозчики – все смешалось в такую привычную современному жителю мешанину, что у меня от ностальгии навернулись слезы.

Высокий полукруглый свод вокзала с застекленными стенами и поперечными балками напоминал кадр из фильма о старой Европе. Очень старой, потому что многоярусные люстры под потолком были явно газовыми.

Куда теперь идти, я представляла смутно, поэтому просто неспешно двинулась по перрону вслед за основным потоком. Вместе со всеми меня вынесло на улицу, где уже загорались первые огни. Понятно, почему начинают так заранее: зажигали их вручную.

Толпа передо мной притормозила, формируя очередь. Часть людей продолжила движение, уходя куда-то влево.

Я, повинаясь рефлексам, пристроилась за ближайшей дамой и выглянула из-за ее массивной спины, чтобы оценить обстановку и понять, стоять ли мне в той очереди или не надо.

Просторная набережная с каменным парапетом, мощеная булыжником, простиралась вдоль широкой реки. Дома, выстроенные сплошной стеной, оставляли единственный видимый проход, куда, собственно, и вился хвост очереди. Неплохие такие дома, ухоженные. Небольшие дворiki перед крыльцом с символическим забором высотой по колено, травка, редкие деревца.

На другом берегу подробности я разглядеть не могла. Слишком широкая река, далеко. Не меньше километра.

– Дама, извините, что беспокою. Это же правый берег? – уточнила я у массивной спины передо мной.

Спина дрогнула и развернулась, являя не менее впечатляющий бюст с ворохом рюшечек на нем.

– Да, милочка, – после некоторой паузы соизволила ответить дама. В те секунды она меня оглядела, оценила и вынесла весьма нелестный для меня вердикт. Сама знаю, что выгляжу не очень. Но Хилли была прописана на правом берегу, если верить паспорту. Так что лучше следовать легенде и хоть пройти мимо дома ее родных. Поищу работу, наверняка швеи или гувернантки нужны повсеместно.

Мои планы, как оно обычно и бывает, разбились о суровую реальность почти сразу же.

Просто так на правый берег не пускали. На входе, перегороженном целым пропускным пунктом с забором, охраной и какими-то подсобными помещениями, стоял усталого вида парень в форме и дотошно сверял всех проходящих мимо со страницами в толстенном фолианте.

Наконец подошла моя очередь.

– Меня зовут Хилли. Хилли Шей. Мой отчим и мать живут на правом берегу, Бигот-стрит, двадцать восемь, – отбарабанила я записанный в паспорте Хилли адрес.

Стражник долго листал толстую книгу, лежавшую перед ним на специальном постаменте.

– Нет тебя в списке. Ни за сегодня, ни за вчера, ни за завтра.

Так. Что еще за список?

– Дяденька, а может, я там на послезавтра? Или на позавчера? – сделала я умильное лицо. Дяденька, года на два старше меня, не впечатлился.

– Если на сегодня нет, то пускать не положено. Приходи послезавтра, тогда и проверим. А еще лучше напиши родителям, пусть внесут в список – и ждать не придется.

Он махнул рукой в сторону застекленной будки. Сидевший за окошком служащий оформлял заявки на проезд и проход на территорию правобережья. Зеленый штампик можно было получить, если поступало предложение о работе в каком-нибудь богатом доме или по личному приглашению.

Ни того, ни другого у меня не было. И не будет. Написать я семье Хилли точно не могу – почерк подделать пластической операцией не выйдет, а чтобы устроиться на работу, нужно кого-то на правом берегу знать, так что получается замкнутый круг.

Рядом с пропускной будкой высилась колонна с прорезью самой обычной почты. Писать мне было некому, поэтому я отошла в сторону, чтобы не мешать очереди, и задумалась, что делать дальше. У парапета очень кстати стояли двойные лавочки. Объединенные одной спинкой, они смотрели одна – на реку, другая – на пропускной пункт. Я уселась на второй стороне и пригорюнилась. И что теперь? Насколько я помнила из статей, центром культурным и административным был именно правый берег Дорсетта. Левый если и упоминался, то в криминальной хронике. Идти туда не хотелось категорически.

Люди, приехавшие на поезде, по очереди исчезали за воротами. Кто-то демонстрировал браслет на руке, кого-то находили в списке. Через полчаса очередь закончилась, вместе с терпением стража. Он периодически поглядывал на мою понурю фигуру, застывшую на лавочке, и в бросаемых взглядах все отчетливее чувствовалось раздражение.

– Тебе лучше сразу на левый берег. Нечего тут делать такой оборванке, – строго указал мне он.

Я вздохнула и поднялась со скамейки. В тюрьму за бродяжничество мне не хотелось, а именно такой приговор читался в суровом взгляде блюстителя закона. Нехотя я побрела по длинному мосту на противоположную сторону реки.

А что делать?

Главное – найти где переночевать, а может, и пожить первое время. Может, кто сдает комнату или даже квартиру? Только не показывать сразу фунты, чтоб не прибили. Чем ближе я подходила к левому берегу, тем явственнее становилось, что по сравнению с правым там натуральные трущобы. Никаких пропускных пунктов, понятное дело, не было. Хорошо, хоть не запирают, как гетто, мелькнула паническая мысль.

Улицы оказались пустынные и зловеще тихи. Холодало, с реки напал туман, из переулков – сумерки. Порывшись в мешке, я вытащила шаль и замоталась ею в три оборота. Влажность пробирала до костей даже сквозь пальто.

Я подошла к первой же встреченной мною женщине. Надеюсь, она хоть местная и ориентируется.

– Добрый вечер! Где тут у вас отель?

Женщина непонимающе похлопала на меня глазами.

– Переночевать мне бы где-нибудь!.. – добавила я уныло.

– А! Так вам в ночлежку. Третий поворот направо, потом еще два перекрестка, до магазина мадам Бови и снова направо.

Она улыбнулась щербатой улыбкой, в которой не хватало половины зубов, а оставшиеся были неприятно коричневатого цвета с отчетливо заметными язвами кариеса. Я поблагодарила за указания и отправилась искать ночлежку.

Название у нее не очень внушает доверие, но надеюсь, там будет безопаснее, чем на улице.

Смеркалось. Левый берег освещался плохо, и самый широкий бульвар в темноте превратился в опасный район, а улицы – в подозрительные закутки.

Похоже, я все же заблудилась. Уже оба поворота направо миновали, а ночлежки или чего-то похожего видно не было. Может, я ее пропустила? Магазина мадам Бови я тоже не заметила.

Прямо на улице, на моих глазах к двум мужчинам подошла бедно одетая женщина и что-то им предложила вполголоса. Те рассмеялись, и один подтолкнул ее в сторону переулка.

Это что, проститутка?

Я плотнее завернулась в шаль. Одинокaя девушка в подобном районе обязательно привлечет нездоровое внимание. Нужно срочно выбираться обратно к мосту, а там где-нибудь на лавочке перед пропускным пунктом переночую. Плевать на ночлежку и комфорт – хотя какой вообще в таком районе может быть комфорт? На лавочке, кажется, безопаснее будет.

Не успела.

Я не дошла до спасительной набережной каких-то десять метров. Далекие правобережные фонари уже виднелись за поворотом, когда меня неожиданно подхватили под локти и поволокли в подворотню.

Их было пятеро.

● Глава 6 ●

Я выворачивалась, пинала и кусала все, до чего могла дотянуться, хоть и противно было – от мужиков явно разило немытыми телами и чем-то совсем уж протухшим и прокисшим.

– Да заткнись ты уже! Хватит цену набивать, – с ленивым раздражением протянул один из тех, что держал меня, и так же лениво отвесил мне затрещину.

По инерции меня снесло к стене, но хоть руки отпустили. В ушах звенело, а в глазах двоилось – пришлось прислониться спиной к кирпичной кладке, чтобы не упасть.

– Отпустите меня немедленно! – рыкнула я, стараясь казаться грозной.

Ну вот, чего и следовало ожидать. Сейчас меня изнасилуют и убьют. Недолго же я продержалась в самостоятельной жизни.

Я, конечно, потрепыхаюсь: двум остановить сердце сумею, но резерв после двойной пластики еще не восстановился даже до половины, так что трем оставшимся я ничего сделать не смогу. Может, они испугаются кончины дружков и убегут?

Выхватив из сумки удачно подвернувшийся серпик для трав, я приготовилась бороться до последнего.

– Это кто здесь мою девочку обижает? – раздался недовольный женский голос, и позади амбалов показалась дама средних лет, закутанная в ажурную шерстяную шаль наподобие оренбургского платка. – Герберт, ты ли это? Что руки распускаешь, хочешь, чтобы тебя к нам в заведение пускать перестали?

– Она ваша, что ли? – пробурчал громила, отступая.

Это чья же я, что он так перепугался? Кричать, что я ничья и своя собственная, я не спешила. Пусть сначала бугаи уберутся куда подальше.

– На ней же не написано, откуда мне знать?

– Ты стоишь в двух шагах от наших задних дверей. Чья она, как думаешь?

Женщина грозно подбоченилась. Мужики чуть ли не с поклонами поспешно покинули переулок.

Я тоже попыталась убраться куда подальше, но была остановлена окриком:

– Куда?!

– Да я пойду, наверное. Спасибо, что помогли, весьма мило с вашей стороны, но мне пора, – протараторила я, пытаясь к выходу из тупика.

– Куда пойдешь, глупая? До следующей шайки? Жить надоело? – фыркнула женщина, разворачиваясь и открывая неприметную дверь.

Изнутри соблазнительно потянуло свежим хлебом и теплом. Я невольно сделала шаг вперед, потом вспомнила про мышеловку и бесплатный сыр и остановилась.

– Пошли. Накормлю, погреешься...

Женщина шагнула в проем, обрисовываясь силуэтом на светлом фоне. Довольно-таки зловещим.

– А потом что?

Я подозрительно прищурилась. Свет бил в глаза, мешая рассмотреть интерьер за дверью, но что там может быть, кроме кухни? Не пыточная же.

– А потом поговорим.

Дверь начала закрываться, отрезая меня от света и тепла. Ну уж нет. Бесславно сдохнуть на улице от холода и побоев я не собиралась. Что бы там ни было за дверью, русскую женщину ничем не напугаешь. Я решительно шагнула через порог.

Сразу за дверью оказался коридор. Но первый же поворот все-таки привел нас на кухню. Из приоткрытой духовки тянуло сдобой, а в старомодной печи горел уютный огонь.

За столом сидели и о чем-то болтали две девицы. При виде нас они дружно подскочили, чуть не расплескав содержимое чашек, присели в неуклюжем книксене и убежали.

– Вот клуши, – беззлобно ругнулась женщина, ставя чашки в корыто, где уже громоздилась целая гора посуды.

В углу я заметила холодильник. Громоздкая и громко гудящая штука работала на только начинающем набирать обороты в этом мире электричестве и, как я знала по пансиону, стоила немалых денег. Неплохо живут в этом доме.

Лампы тоже были привычные – накаливания, – только очень тусклые. Не тянет турбина такое количество приборов. Скорее всего, лопастный аппарат в реке стоит. Хорошо жить около набережной.

Женщина тем временем налила в чистую кружку горячий чай, плюхнула в миску щедрую порцию овсянки (настоящей, на молоке с маслом, а не того ужаса, которым нас в пансионе кормили) и поставила передо мной.

– Садись, поешь. В чем душа только держится!

Сама села напротив с похжей кружкой и, подперев кулаком щеку, явно собралась смотреть, как я ем. «Мама тоже любила смотреть, как другие едят», – вспомнила я неожиданно прошлую жизнь. Она все время сидела на диете, зато в нас с братом все время впихивала всякие вкусности. Хоть так наслаждалась едой, как она объясняла.

Доверия к неожиданно доброй женщине мне это не прибавило. Я уже не ждала от этого мира ничего хорошего. Но еду мне положили из общего котелка и воду налили из того же чайника, что и себе, поэтому можно подкрепиться, а там посмотрим.

Я с жадностью набросилась на еду. Резерв и растущий организм хором просили перестать над ними издеваться, потому что с того яйца с хлебом в моем желудке больше ничего не побывало.

– Тебя как зовут?

Женщина наблюдала за мной с видом доброй бабушки, или тетушки, что ближе по возрасту, но в глазах периодически проскальзывало откровенно хищное выражение. То, что меня не просто так кормят, я уже поняла. Осталось выяснить, сумею ли выкрутиться.

– Хиллари.

Я чуть видоизменила имя подруги, чтобы можно было отбрехаться, если что. Сегодня же вечером, как только останусь одна, снова изменю лицо. Пусть останусь без резерва, зато никто не опознает. В том числе поэтому я куталась в шаль и старалась сидеть с опущенной головой: чем хуже меня разглядят – тем лучше.

– Меня Лалика. – Женщина улыбнулась, губами, не глазами. – Ты к кому-то приехала?

Осторожно выясняет, будут ли меня искать. Будут, но не так, как бы мне хотелось. Я неоднозначно пожала плечами. Рассказывать, что я никому не нужная сирота, – накликивать на себя маньяков, а сказать, что к родственникам, – так где они, когда нужны? Лишнее вранье еще никому не помогло. Так что я просто промолчала, делая вид, что очень увлечена едой.

Даже притворяться особо не пришлось.

Наконец от овсянки и чая остались одни приятные воспоминания. Я откинулась на спинку стула – там как раз очень удачно падала тень от шкафа, скрывая мое лицо, – и удовлетворенно вздохнула.

– Поела? Пойдем.

Лалика поднялась и направилась к выходу из кухни, не к тому, через который мы зашли, а который вел в глубину дома. Слегка ословев от неожиданно обильной еды, я послушно поплелась следом.

За окнами окончательно стемнело. Даже если бы я сейчас ломанулась на выход и меня вдруг чудом выпустили, куда я пойду ночью? Точно недалеко.

Судя по тому, что встреченные нами по дороге девушки только просыпались, мне повезло попасть в местный бордель. При виде Лалики они ойкали, вжимались в стену и шарахались кто куда. Уважают тут мадам, я вижу.

Кабинет главы борделя на фоне дома поражал роскошью. Тут и плотные гардины с декоративными складками и оборками, и мягкая, обитая бархатом мебель, хоть и чуть потертая, но еще вполне достойного вида.

Лалика открыла шкафчик над письменным столом, достала два бокала и щедро плеснула в оба темно-золотистой жидкости.

– Пей. Да садись – в ногах правды нет.

Я послушно села и выпила содержимое бокала залпом. Не так уж его там и много было, полтора глотка.

Коньяк обжег не привычное к спиртному горло. Я закашлялась, носом оценив изысканный дубовый букет с нотками шоколада. Лет десять выдержки точно есть. Неплохо живут в местных борделях.

– Ты хоть знаешь, где ты сейчас, милая?

Лалика смотрела на меня с нескрываемым сочувствием. Которое, скорее всего, не помешает ей употребить меня, как ей вздумается. Иллюзий я не питала.

* * *

Я молча хлопала глазами, изображая деревенскую дурочку.

– Это самый лучший бордель левого берега. Ты хоть знаешь, что такое бордель?

Я продолжала молчать и выжидательно смотреть на мадам.

Она продолжила:

– Здесь женщины продают себя мужчинам за деньги. И с этого дня то же самое будешь делать ты.

Не знаю, что мне полагалось сделать, по ее мнению. Устроить истерику, упасть в обморок? У меня были другие поводы переживать. Ну, бордель и бордель.

– А если я откажусь? – процедила я.

Как бы убедить Лалику подлить мне еще коньячку? Он бы не помешал.

– Все равно будешь, – пожала плечами мадам. – Многие клиенты любят сопротивление. А если ты еще и девственница, заработаешь больше в первые две-три недели.

Побуду девственницей пару недель? Мило. Но как-то не хочется.

Лалика хлопнула по столу ладонями и поднялась, давая понять, что аудиенция окончена. Двери позади меня распахнулись, пропуская двоих мордovorотов ростом под потолок. Мясистые ручищи, запястья в обхвате были, наверное, с мое бедро.

– Идти тебе все равно некуда. Еда три раза в день, ночью не больше пяти клиентов. По сравнению с другими домами терпимости у нас просто райские условия, цени. Сегодня отдохнешь, отмоешься, завтра вечером приступишь.

Мордovorоты подхватили меня под руки, мадам невозмутимо кивнула – и меня поволокли на выход. Очевидно, запирают в комнату, где я буду ждать клиентов.

Ну уж нет!

– Я удвою ваш доход через месяц. Без постели! – выпалила я и, видя сомнение на лице мадам, поправилась: – Утрою!

– Стойте, – махнула она рукой.

Меня выпустили. Я помассировала левый локоть: его все еще периодически сводила судорога, особенно если я нервничала. Боком пробралась обратно к креслу и буквально рухнула в него.

– Слушаю. У тебя минута, – поторопила меня мадам.

– Мы делаем небольшой ремонт, меняем мебель в зале. Может, и в комнатах – я их не видела. Я беседую с каждой девушкой и предлагаю вам план действий. Через месяц, если доход не вырастет втрое, я добровольно пойду обслуживать кого хотите...

Да я скорее клиента усыплю и сбегу, но знать ей об этом не обязательно. Кроме того, есть вещи и пострашнее, чем добровольно переспать с кем-нибудь за деньги. Сдохнуть в канаве после побоев и изнасилования, например.

Мадам побарабанила пальцами по витиеватому подлокотнику.

– Кроме того, я целитель. Дар у меня небольшой, но определить, больны ли чем-то девочки, я смогу.

Мадам фыркнула.

– Это и я смогу. Если чихает и кашляет, значит, больна.

Я покачала головой.

– Вы что же, про заразные болезни не слышали, которые именно... вот так передаются?

Я посмотрела на нее как на ненормальную. В какой-то степени для меня весь этот мир таким был. У них потрясающие возможности, магия, которая может практически все, а они застряли на околосредневековом уровне и не хотят развиваться, исследовать свои способности и мир вокруг по полной.

Мадам нахмурилась, пристально разглядывая меня.

– Что же ты не в академии на правом берегу, если ты целитель? – с нескрываемой насмешкой процедила она. – Туда, говорят, и простых берут, если дар есть.

– Я собиралась поступать через год. Если получится. Дара у меня кот наплакал, – честно призналась я.

– И что же у тебя за план действий? – передразнила она меня, явно теряя интерес.

Бездарный целитель был ей нужен куда меньше свежей девственницы.

Я призвала весь свой актерский талант и небрежно откинулась на спинку кресла, положив ногу на ногу. Притворись Шерон Стоун – дальше само пойдет.

– Зачем, по-вашему, сюда идут мужчины? Особенно правобережные, – небрежно поинтересовалась я.

– Откуда ты знаешь, что здесь бывают аристократы? – подобралась мадам.

Ленца из взгляда пропала. Зацепила я ее. Так и знала, что сюда богатые шастают. Место удачное, от реки и моста недалеко, вид у здания приличный. Девочки по местным меркам даже ухоженные.

Я усмехнулась.

– Ответьте на мой вопрос – и вы ответите на свой.

Мадам помолчала, изучающе глядя на меня.

– За сексом! – выпалила она и вызывающе посмотрела мне в глаза, ожидая, очевидно, что я покраснею и засмущаюсь от такого вульгарного и откровенного слова.

О ужас! Не видела она рекламу прокладок. Я кивнула.

– За этим тоже. Но чисто потрахаться к вам идут матросы и одинокие рабочие.

Мадам заморгала. Не ожидала такой терминологии от нежной девственной фиалки. Я утянула со стола графин с коньяком, долила в пустой стакан и отпила. По накатанной пошло лучше, я даже не закашлялась.

– Аристократы идут к вам за адреналином. Возбуждением, – пояснила я. – За эмоциями. За приключением, если вам будет угодно. Им нужно шоу. А я могу это шоу обеспечить. Первая часть моего плана – отныне мы закрыты для простых рабочих. Либо выделите им день, точнее, ночь. Раз в неделю. Потом сами увидите, что это натуральная благотворительность. Пусть идут к конкурентам. Вы станете элитным заведением для аристократии.

– Звучит, конечно, заманчиво, но почему ты уверена, что правобережные к нам пойдут? Я откажу постоянным клиентам, новые не придут, мы разоримся вместо того, чтобы утроить барыш, как ты обещаешь.

– Еще как пойдут! – Алкоголь с непривычки ударил в голову, развязывая язык и фантазию. – Аристократы любят сплетни ничуть не меньше, чем их жены. А если сплетни пикантного свойства, то еще лучше. Через неделю о вашем заведении заговорит весь правый берег!

– Громко свистишь, – пробурчал бугай за моей спиной, но острый взгляд мадам заставил его замолчать.

– Даю тебе две недели. – Она жестом прервала мои возражения. – Если ты не обеспечишь мне доход от аристократии на том же уровне, что я имею сейчас, ляжешь под того, кого я укажу, и будешь получать удовольствие.

Слегка удивившись, я тем не менее согласно кивнула. Так еще лучше. Утроить за месяц доходы я, может, и не успела бы.

– Если я преуспею, у меня будут условия нашего дальнейшего сотрудничества.

Мадам удивленно выгнула бровь.

– Слушаю.

– Во-первых, я не буду ни под кого ложиться. Ни ради чего. Я неприкосновенна.

Лалика кивнула.

– Справедливо. Я тоже не обслуживаю клиентов. Дальше?

– Вы меняете принцип работы заведения, как я укажу. Без вопросов и пререканий. На эти две недели я директор, царь и бог.

Амбалы за моей спиной судорожно закашлялись. Мадам же, помедлив секунду, снова молча кивнула.

– Соответственно, если вы хотите, чтобы я и потом на вас работала, я хочу место вашего заместителя. Или помощника. Или ассистента. Ну, вы поняли. Второй после вас в заведении.

– Будешь моей правой рукой. Еще что-нибудь?

Мозг под воздействием алкоголя расслабился и практически перестал соображать. Что-то же я еще хотела... А!

– Через год, осенью, я поступлю в академию. Надеюсь. К этому моменту мое сотрудничество с вами будет сведено к минимуму. С меня идеи, с вас – реализация и мне процент.

Не хватало мне еще остаток жизни в борделе провести. У меня планов громадье. Мадам от последнего пункта в восторг не пришла, но, что-то прикинув про себя, все же кивнула в третий раз.

– Это все. Если через две недели, после всех твоих реформ, мой доход останется прежним...

– Или вырастет, – поправила на всякий случай я.

– Или вырастет, – согласилась Лалика и поднялась из кресла. – Пойдем, я покажу тебе комнату. Вы свободны.

Она кивнула амбалам, и те послушно испарились. Мадам подхватила меня под ручку, будто лучшую подругу, и повела по коридору к лестнице на второй этаж.

* * *

Коридор потихоньку оживлялся. Хлопали двери, девушки спешили завтракать или, наоборот, возвращались к себе. Выглядели ночные бабочки неплохо: без синяков и прочих признаков жестокого обращения. Щеки соответствовали местной моде наетостью, фигуры тоже изможденными не казались.

Я сама старалась держать голову опущенной, чтобы лицо не разглядели. Личина начинала тяготить, разговаривать половиной рта и смотреть через полуприкрытые глаза станови-

лось тяжело. Чем меньше народу меня запомнят сейчас, тем проще будет потом доказать, что я такая и была, когда внешность изменится.

– Это будет твоя комната. Если что-то понадобится, скажи мне, принесут.

Лалика распахнула самую последнюю по коридору дверь. Я заметила, что она ждет на пороге, пока я зайду. Ну что ж. Если она передумала и решила просто меня запереть и пойти по первоначальному плану, значит, сама дура.

Я решительно перешагнула порог и осмотрелась. Дверь за спиной не шарахнула, запираясь, мадам зашла вместе со мной. Амбалы, теньями следовавшие за нами, остались в коридоре.

Комната оказалась раза в два больше моей кельи в пансионе. Почти половину ее занимала гигантская кровать высотой мне где-то по пояс.

На оборудовании тут, я смотрю, не экономят.

Кроме кровати, в комнате имелся небольшой, по сравнению с нею, шкаф, две прикроватные тумбочки и трюмо с зеркалом у окна.

– Здесь ванная, – кивнула Лалика в сторону неприметной двери напротив кровати. – Завтрак сейчас, хотя тебе привычнее будет считать это ужином. Ужин, который завтрак, на рассвете. Обед когда захочешь, но в коридоре ночью мелькать лишний раз не советую, если не передумала насчет обслуживания клиентов.

Я замотала головой. Не передумала точно, лучше поголодаю.

– Можешь держать в тумбочке еду, из того, что не портится, – будто прочитала мои мысли мадам. – Не подрывай имидж моего заведения своим доходяжеским видом, отъедайся, будь любезна.

– Спасибо вам большое! – от всей души поблагодарила я.

Конечно, у нее свой корыстный интерес, но в пансионе с таким же интересом – платили за нас всех немало – подобной щедрости мы не видели.

Я заглянула одним глазком в ванную. Даже собственно ванна есть! Массивная, медная, на толстых львиных лапах и два здоровенных крана для воды. Маленькая, правда, коленки будут в подбородок упираться, зато своя и в комнате.

– Устраивайся, обживайся, завтра поговорим, обсудим все подробнее.

Мадам двинулась к выходу. Я же вспомнила немаловажную деталь.

– А во сколько к вам начинают приходить клиенты? Я бы хотела посмотреть, как все работает на данный момент, перед тем как составлять план предложения.

– Да вот как сейчас. На закате примерно. Некоторые и раньше.

Лалика кивнула мне на прощание и вышла. Я кинула дорожную сумку рядом с кроватью, достала смену белья и остатки порошка в свернутой фунтиком бумажке. В ванной открыла до упора кран с горячей водой и чуть-чуть с холодной, только чтобы не обжечься. Протерла полотенцем моментально запотевшее зеркало и вгляделась в чужое отражение. Глаза чуть приоткрыть, все равно завтра с утра буду опухшая и заплаканная. Губы вернуть в прежний размер, а то разговаривать даже неудобно. Сделаю их чуть пухлее, вроде как у Джоли. Точно никто не позарится, здесь это не в моде. Лоб тоже почти вернула в прежний формат, а то давил на глаза с непривычки.

Проще говоря, я делала из себя невидимку. Вроде ничего... Но и ничего особенного.

От порошка или от пара кружилась голова. Я залезла в ванну, подтянув коленки к груди. Как и ожидалось, все тело влезало только согнувшись. Я не чувствовала, как кипяток обжигал кожу. Меня колотило, внутри поселился абсолютный, космический, холод.

Моей лучшей подруги больше нет.

Хилли, милая наивная девочка, которую я собиралась защищать и беречь, защитила и уберегла меня ценой собственной жизни.

Наскоро вытершись жестким, застиранным полотенцем (хорошо, хоть чистым!), я натянула бельевую майку из запасных. Она вполне сошла за ночнушку, ибо благопристойно дохо-

дила до колена. Нырнув под толстое стеганое одеяло, я зарылась лицом в пышную подушку и дала волю слезам.

Зачем мне сейчас весь этот комфорт и удобство? Зачем сытная еда и теплая постель, если единственного человека, который обо мне искренне заботился, больше нет? Почему не я? Лучше бы я лежала там с перерезанным горлом, а Хилли была бы жива. Ее единственная вина в том, что она подружилась не с тем человеком.

Я выла, била и кусала ни в чем не повинную подушку, будто она была тем врагом, что заказал мою смерть. Слезы лились и лились, выплескивая накопившийся стресс: сначала борьба за собственное тело, потом и за жизнь. С рыданиями выходили отчаяние, усталость и разочарование от нового мира. Все оказалось вовсе не так радужно, как ожидалось. Превжняя жизнь и то обошлась со мной ласковее – там хоть встречались люди, которым было на меня не наплевать.

Истерика поутихла. Я ткнула несколько раз кулаком в мокрую подушку, отпихнула ее на край кровати, перевернулась на спину и зло уставилась в сероватый потолок.

Я отомщу! Не знаю, кому понадобилось убивать калеку, но я его найду. Плевать, кто это будет. Даже если мои собственные родители.

Со всхлипом втянув воздух, я вытерла ладонями влажные от слез щеки и проморгалась, приходя в себя. Месть лучше подавать холодной.

Даже хорошо, что я попала в бордель. Здесь меня, милую девочку из приличной семьи, точно искать не будут. Я купила себе время.

Одно дело – теоретически изучать мир. Но из газет и журналов истинной жизни не узнаешь. Я начну с низов. С самого дна. Изучу всю подноготную этого мира, пойму, почему меня хотели убить, а, как известно, мотив – половина дела в поиске преступника.

Всхлипнув еще раз, я закрыла глаза. На меня накатила какая-то тоскливая, каменная усталость. Запас адреналина закончился, и я провалилась в нервный, не приносящий успокоения сон.

● Глава 7 ●

Первую неделю я сразу мысленно вычеркнула из статьи доходов и решительно записала в чистый убыток. Пока я осмотрюсь, пока придумаю, как можно улучшить систему, пока девочек в порядок приведем. Пусть сегодня еще работают, а с завтрашнего дня попрошу мадам дать им на остаток недели выходной. Как раз сегодня понедельник, на следующий можно назначить торжественное открытие заново.

Весь день я отсыпалась и отъедалась, как было приказано.

Слишком уж много на меня навалилось разом, да и часы работы борделя предполагали сдвинутое расписание жизни. Раз я собираюсь здесь задержаться, надо привыкать.

Ближе к семи вечера начали появляться посетители. Я молчаливой незаметной тенью стояла позади хозяйки заведения, наблюдала и старалась не отсвечивать. Лалика сияла гостеприимством, ласково уточняла у клиента, какой масти ему предложить девочку, и, получив ответ, отправляла в соответствующую комнату. Если клиент мялся и сам не особо представлял, что именно хочет, ему предлагали нескольких девиц на выбор. Мадам дергала за шнур колокольчика, сигнализируя ожидающим наверху, что им нужно спуститься. Девочки появлялись по трое-четверо, разной комплекции и с отличающимся цветом волос. Клиент чаще всего тыкал в кого-нибудь пальцем, и свежееобразованная пара удалялась. И так всю ночь, практически до рассвета.

В борделе жило человек тридцать, из них работали двадцать три. Остальные – обслуживающий персонал. Убрать, поменять постель (за ночь сменялось от двух до пяти клиентов), постирать, приготовить еду, сделать прическу и прочее. Прислуга для проституток.

Я с трудом укладывала подобное в картину мира, но по местным меркам у Лалики было дорогое и приличное заведение. В других обходились без прислуги и принимали за ночь куда больше пяти клиентов. Жуть, в общем.

Я заметила, что девочки старались подражать дамам правого берега. В поезде и на вокзале я насмотрелась как на женщин из простых, так и на аристократок. Простолюдинки заплетали волосы в косы или делали узел на затылке. Краски на лице у них было немного. Низкокачественная белесая пудра, смахивавшая на муку (кто знает, может, это и была мука?), и иногда помада, и то светлая, скорее как бальзам. Зато дамы из первого класса подчеркивали лицо как могли. Понятное дело, чтобы не потеряться на фоне ярких платьев. Тут и густо-черные брови и ресницы, и алые губы, и покрытое густой, светло-бежевой пудрой лицо... Я сильно подозревала, что белила свинцовые. Тем, у кого есть маги-лекари, переживать не о чем. А вот бордельные девочки очень рискуют, мазюкаясь подобной дрянью. Кроме того, они копировали на волосах сложные узлы и плетения правобережных дам и пытались даже повторять наряды с корсетами и турнюрами. Только из куда более дешевой и блеклой ткани, так что получалось немного по-китайски, с рынка.

Что-то мне подсказывает, что мужчины от такой экипировки не в восторге, но не будут же они ругаться, что товар слишком плотно завернут. Да и потом, какая у них альтернатива? Все так заворачиваются – вопрос в цене обертки. А слоев на женщине из высшего сословия было не счесть: нижняя рубашка, корсет, нижнее платье, верхнее платье, ну и шляпка, понятное дело. А ночные бабочки им радостно подражали.

Простолюдинки – знаю из собственного опыта – одевались куда проще. Слоя на два. Шляпка опциональна, просто потому, что из всего списка она чуть ли не самая дорогая, и платье одно – оно же верхнее.

Первую пометку я себе сделала: раздеть девиц по максимуму. Посмотрим, что можно придумать в этом направлении. Полно фасонов, которые прикрывают все и при этом ничего

не скрывают. Тот же ампир, хорошо бы из полупрозрачного материала, или стиль двадцатых. А если девочки согласятся обнажить лодыжки, то вообще – ура.

Второе: мне нужен персонал. Те, что проживают на территории борделя, и так загружены под завязку стиркой-уборкой. Раз проституция распространена до такой степени, что собой торгуют даже на улице, значит, работодатели в очереди не стоят за наемным трудом. И женщины левого берега обрадуются любой подработке. Тем более ничего непристойного я им предлагать не собиралась.

И третье. Собственно план. Вот с этим пока что было напряженно.

Следующее утро – где-то после обеда – началось с осмотра.

Девушки, умытые и выспавшиеся, по идее должны были щеголять румянцем, но нет. Рыхлая, какая-то землистая кожа, тусклые волосы, у некоторых запах изо рта. В общем, работы непочатый край.

Лалика собрала всех еще до завтрака в гостиной. Зал был просторный, с хорошей акустикой, именно его я задумала использовать как центральный элемент перевоплощения борделя. В подсознании сидел образ парижского кабаре «Мулен Руж» из одноименного фильма. К нему примешивались смутные фрагменты других кабаре и почему-то гаремов. Наверное, потому, что там тоже много женщин под одной крышей.

Но для начала нужно привести в порядок вот этих женщин. Потом займемся декорациями.

Потуру я удостоилась от Лалики подозрительного взгляда. То ли она заметила, что я чуть по-другому выгляжу, то ли обратила внимание на заплаканные, красные глаза. Тем не менее она свое слово сдержала. Выстроила все двадцать три кадра в рядочек, прошла вдоль, как главнокомандующий перед армией.

– Знакомьтесь. Это моя временная правая рука Хиллари. С сегодняшнего дня и следующие две недели вы все слушаете ее как меня и делаете, как она говорит. Всем ясно?

Дамы нестройным хором выразили согласие.

Я старалась даже мысленно не называть их проститутками. Девочки, дамы, бабочки в конце концов. Они здесь все не от хорошей жизни, и если я начну их отождествлять с профессией, ничего хорошего у нас не получится. Я хотела разглядеть в них личностей. Наверняка у каждой есть какие-то таланты, увлечения, хобби, которые можно превратить в изюминку, а там, может, и в дело всей жизни. Возможно, если я помогу этим женщинам выбраться с социального дна, моя собственная цель станет немного ближе.

Но начнем с простого.

– Доброе утро, дамы! – Я выступила вперед и удостоилась скептических взглядов, мол, что эта пигалица может понимать в нашем суровом труде. – Я не собираюсь вас учить работать. Мое дело – создать антураж и все условия, чтобы вам работалось как можно приятнее и выгоднее. Поэтому начнем с вашего внешнего вида, а потом перейдем к работе над собой изнутри. Итак...

Лучше сразу обозначить свою позицию, чтобы не гадали и не сопротивлялись. Приятнее и выгоднее всем хочется, поэтому женщины немного расслабились и даже заулыбались. Да и какие они женщины, им всем по восемнадцать-двадцать, от силы двадцать пять.

Все больше ненавижу этот мир.

Я прошла вдоль строя дам, оглядывая усталые, серо-зеленые лица. Фруктов им, кажется, не хватает. И свежего воздуха. Однозначно!

– Какой косметикой пользуемся? Показываем, не стесняемся, – подбодрила их я. – Меня интересует все, начиная с мыла и заканчивая румянами.

Они стали переглядываться, видимо раздумывая, с чего я вдруг раскомандовалась и стоит ли меня и вправду слушать или мадам пошутила.

– Бегом принесли! – прикрикнула на них стоявшая за моей спиной Лалика.

Все тут же засуетились, разбегаясь по комнатам.

В белилах свинец был, и немало. Им разило за версту, поэтому замазку для лица мы безжалостно выбросили. Некоторые пытались припрятать свои сокровища. Я только пожимала плечами. Намазать все равно не смогут – я замечу. А если им так дорога как память отравы – кто я такая, чтобы мешать? Потенциальные побочные эффекты я им обрисовала в красках, дальше личное дело каждой.

Мыло здесь вроде бы неплохое, но одно и то же для головы, лица и тела. Лалика заказывала его в лавке местной травницы. Туда бы, кстати, наведаться. Порошок мне еще пригодится, хорошо бы новую порцию сделать, да и другие лекарства составлять из чего-то надо. Хоть бы и общеукрепляющие.

Про крем девочки слышали, но живьем никогда не видели – таким балуются только высококородные. Ничего, главное, от вредного избавились, а маски домашние и крем на три типа кожи я им организую. Со временем.

– Ты, ты и ты... – Я ткнула пальцем для надежности. – По очереди в течение недели подойдете, будем лечиться. Общей посудой не пользоваться, от работы с клиентами советую временно отстранить. Недели на две, пока с лечением не закончим. Может, дольше. Остальных потом обследую обязательно, но этих трех срочно.

Во время речи я повернулась к мадам. Это она решает, как и кто работает, поэтому фразы я строила полувопросительно. Мол, можно? Лалика кивнула.

Я перевела дух и продолжила:

– На будущее, если увидите на клиентах такую сыпь... – Я приподняла подбородок одной из пострадавших для наглядности. А лимфоузлы-то!.. Мать моя женщина! Хорошо, вовремя я появилась. Еще неделя-другая – и прощай, нос. – Отказывайте сразу, плевать на деньги. Жизнь дороже. Советуйте им тоже сразу идти к лекарю и не затягивать. Все ясно?

Мне ответил нестройный согласный хор. Похоже, домашний целитель у них вызвал больше приязни, чем непонятная временная правая рука мадам. Ну, с этим и будем работать. Только вот многое я сделать не смогу. И вообще смутно представляю, как буду лечить у несчастных сифилис. Участками? Наверное, лучше начать с эпицентра и потихоньку продвигаться по остальному телу. Резерва на полное излечение всего организма у меня точно не хватит. А лечебная волна – одно из тех заклинаний, что я придумала на коленке, начитавшись методичек, – штука переменчивая. На больных участках она требует большого расхода энергии, а в здоровых органах просто проскальзывает мимо, растрачиваясь по минимуму. Так что обработаю таз, а дальше по нарастающей. На хорошей еде резерв восстанавливался куда быстрее, чем в пансионе. Уже сейчас я чувствовала ярко горящий, заправленный под завязку шар. Так что, если лечить через день, за две недели управимся с теми, кому срочно, и займемся остальными.

* * *

– У вас есть свободное помещение под кабинет? – уточнила я у Лалики.

Она кивнула.

– Рядом с моим. Он давно пустует, я сейчас pošлю служанок убраться. Мебель там есть. Стол, стулья, полки. Могут еще что-то принести, если надо.

Я благодарно улыбнулась.

– Нет, мне вполне хватит стола и стульев. Спасибо. Тогда через два часа прошу по очереди зайти ко мне в кабинет. Вот как сейчас стоите, в таком же порядке. Я бы хотела пообщаться с каждой из вас. Как целитель и просто как женщина.

Я улыбнулась, надеюсь, не сильно криво. Веселиться не хотелось, но и пугать бедняжек кислой рожей ни к чему. Соберись, Катька, ты профессионал или где?

– Давайте я запишу ваши имена, чтобы не путаться.

Вытащив из-за пояса заготовленные лист бумаги и карандаш, я прошлась вдоль ряда, записывая, как кого зовут.

После все разбрелись по комнатам. Я тоже отправилась к себе, готовиться к приему.

Девушек стоит распределить по ролям. Где-то я читала про четыре типа поведения женщин в отношениях. Девочка, любовница, королева и хозяйка. К этому добавим подтипы рабыни и госпожи. Даже домохозяйка может быть робкой и милой хозяйшечкой или бой-бабой со скалкой наперевес, которой пофиг, на каком глазу у него тубетейка.

Исходя из этого, будем создавать им имидж.

Два отведенных мне часа я потратила с пользой. Выпросила у мадам запас бумаги, сложила по несколько листов вместе и пополам. Получились импровизированные, рассыпающиеся на ходу тетради. Ничего. Нитки, иголка, пара стежков посередине – и вот личные дела в количестве двадцати трех штук передо мной. Каждое подписано именем. Внутри заготовлены пункты – увлечения, хобби, заболевания, история семьи. Все сразу я вряд ли заполню. Буду общаться и записывать постепенно. Столько биографий я в голове не удержу, а пропустить какую-то важную деталь вроде аллергии не хотелось бы.

Как и было указано, ровно через два часа дамы начали появляться на пороге моего нового кабинета по очереди. Уборщицы постарались на славу – стол, хоть и старенький, сверкал чистотой, стулья тоже отмыли как могли и прикрыли сиденья новыми подушками.

Я общалась с каждой, подробно выпрашивая о каких-либо беспокоящих симптомах (мало ли, кроме тех трех, еще кого-то изолировать уже пора?), вела светскую беседу ни о чем, исподволь выпытывая психологические проблемы. Ну не может здоровая женщина, сношающаяся с пятью мужиками в день, оставаться совершенно нормальной на голову. Понятное дело, нашлись и депрессии, и комплексы. Нет, несколько девиц были абсолютно довольны своим положением, даже как-то гордились выбранной профессией. Их я сразу поставила на учет. Менять свою жизнь они вряд ли захотят, а вот больше денег – запросто. И секреты, тем более дорогостоящие, я бы им не доверила.

«Девочки» по типуажу нашлись сразу же. Близнецы. Просто джек-пот. Хорошенькие, беленькие, с длинными, хоть и суховатыми волосами, огромными голубыми глазищами и густо накрашенными черным ресницами, абсолютно выбивавшимися из образа.

Срочно надо придумать коричневую тушь. Или найти хну. Или пусть вовсе не красятся.

Отвечали они хором, опустив очи долу и одинаково теребя подолы идентичных платьев. С ними все ясно. Тихие, забытые, ведомые.

Куда интереснее оказалась зашедшая сразу после них гренадерша.

– Дениз? – уточнила я, глядя в список.

Я ее еще в строю заприметила. Не заметить дородную, статную великаншу было проблематично. Вот уж у кого все округлости на месте да в изобилии.

Она кивнула, осторожно присаживаясь на стул. Тот скрипнул, но мужественно выдержал.

– Жалобы есть? Выделения, запах, боли беспокоят? – привычно отбарабанила я набор вопросов.

Дениз отрицательно помотала головой. Да, эта в поле родит и махать серпом дальше пойдет, что ей какие-то венерические? На один зуб.

– А вообще как? Проблемы, может, какие или обижает кто?

Я оторвалась от бумаг и внимательно всмотрелась в ее лицо. Тут важны нюансы: выражение глаз иногда говорит больше, чем целая фраза. Женщина замаялась, отводя взгляд.

– Ну же, я лекарь. Мне можно сказать что угодно, дальше меня не пойдет. – Я подбадривающе улыбнулась и попыталась нащупать тему: – Дразнят? Обзывают?

– Да пусть попробуют! – фыркнула Дениз, тяжело вздохнула и шире расправила плечи. – Я не особо популярна. Сами видите.

Она развела ручищи – не хуже, чем у мордovorотов на страже Лалики.

Я оценила военную выправку валькирии. Ей разве что доспехов и шлема не хватает...

– Милая, да ты же прирожденная доминатрикс! – в полном восторге пробормотала я.

Главное – вытравить из нее присущее всем левобережным благоговение по отношению к аристократам – и у нас будет услуга легкого садизма. Для любителей. А уж потенциальных клиентов я смогу определить. Не зря столько книг по психологии в свое время перелопатила.

Рассвет – или по-местному вечер, время перед сном – мы встречали очередным смотром. В этот раз предводительствовала я. Прошлась вдоль ряда девочек, заложив руки за спину. Чувствовала себя генералом перед боем, не меньше.

– Наша задача как можно сильнее отличаться от их чопорных, утянутых в корсеты жен. Нет, не спорю, кто-то сюда идет именно поиметь распутный вариант жены, – кивнула я в ответ на вскинувшуюся Лалику, – но большинство хочет разнообразия. Белые лица и ночнушка в пол у них и дома имеются. Значит, нам нужно что?

– Делать наоборот? – пискнула темноволосая девочка слева.

Я уткнула в нее палец. Биографию помню: из благородных, но без магического дара – в пансион отправили, как меня. Потому и запомнилась. Из пансиона вышла, пристроилась гувернанткой к детям одной семьи. А там муж оказался любитель молоденьких. Испугалась, сбежала, осталась на улице без рекомендаций, а Лалика, добрая душа, подобрала.

– Именно! Как зовут? Извини, запамятовала.

– Райли, – еще тише пискнула она.

– И как именно наоборот? – подбодрила ее я.

– Ну... Они все закутанные с ног до головы, в корсетах, с турнюрами, с высокими прическами. Мы можем ходить в корсетах без турнюров, показывать, скажем, лодыжки и заплетать косы...

Я потеряла пальцем висок. Да, чопорные проститутки – это сильно.

– Мыслишь в правильном направлении. Но! Наоборот – это значит не заковывать тело в корсет вообще. А волосы придется распустить.

Девушки возмущенно загомонили.

– Как распустить? – озвучила всеобщие сомнения Лалика. Она слушала мою речь открыв рот, удивляясь нововведениям не меньше девочек. – Это же неприлично!

Именно этого замечания я и ждала.

– А то, чем мы здесь занимаемся, прилично? – громко и четко спросила я, специально отождествляя себя с остальными.

То, что я ими торгую, а не продаюсь сама, ничуть не делает меня лучше. Скорее наоборот.

Я обвела взглядом притихших, смутившихся отчего-то женщин.

– Мы падшие ниже некуда. Презренные, всеми отвергнутые, приличные люди отворачиваются, когда мы проходим мимо, плюют вслед и указывают дочерям, что с ними станет, если они не будут осторожны. Так?

– Так. – Девушки потупились, кто-то закусил губу, борясь со слезами.

Лалика смотрела волком – что я ее девочек стыжу!

– Не так, – отрезала я. Вот теперь я владела всеобщим вниманием на сто процентов. – Мы ночные бабочки Дорсетта. Мы жрицы любви. К нам идут за тем, чего не видят дома: за красотой, вниманием и удовольствием. И мы им это все обеспечим. Но! Для этого мы для начала должны любить и баловать сами себя. Иначе как мы подарим любовь другим, если не знаем, что это такое? Начиная с сегодняшнего дня, будем тренироваться в самоуважении и принятии себя такими, какие мы есть. Поверьте мне, среди аристократок полно девиц, с которыми я бы срать на одном поле не села, не то что в одном доме жить.

По рядам внимательно слушавших меня женщин пронесся смешок. Они внимали мне как завороченные. Бедняжки настолько привыкли считать себя даже не вторым, а каким-то пятым

сортом, что слова о любви к себе стали для них раздирающим душу откровением. У кого-то на глазах все же блестели слезы, но это были уже другие слезы – не уязвленной гордости, а благодарности.

Я в самом деле принимала их такими, какие они есть. Мадам дала мне приют, когда могла оставить на растерзание громилам. Хотя и собиралась потом заставить отработать – так это не она, это жизнь на левом берегу такая. У нее еще не худший бордель, я бы даже сказала, лучший. Наслушалась за эти сутки от девочек всякого. Не знаю уж, как бы я рассуждала, если бы реально пришлось обслуживать пятерых за ночь. Не пробовала, не могу ничего утверждать. Но помочь девочкам выбраться из этой клоаки я должна хотя бы попытаться. Как говорится, не можешь остановить безобразие – возглавь его. Мне категорически не нравился творящийся на левом берегу беспредел. Пока что я готова играть по их правилам, но свои собственные я уже начала продумывать.

* * *

Третий день в борделе начался нетрадиционно.

То есть само по себе пребывание в борделе для меня было в диковинку, и каждое утро я открывала для себя в этом мире что-то новое, чаще неприятное.

Но собственный некролог бил все рекорды дурных новостей.

По моей просьбе Лалика договорилась с разносчиками газет, и теперь каждое утро под входной дверью меня ждал сероватый листок левобережной «Тудей» и хрустящие, отбеленные, сложенные пополам три листа правобережной «Таймс» почти современного качества.

Самое забавное, я даже не удостоилась первой полосы в газете. Где-то на предпоследней странице мелким шрифтом давалась новость о несчастной принцессе, скончавшейся в глуши от неведомой хвори. Приводилась моя краткая биография, в которой не было ни слова о хромоте и скрюченной руке, зато много внимания уделялось моей набожности и религиозности. Ага, прямо вот в семь лет уже решила посвятить себя служению Всеединному.

Все это размещалось между объявлениями о продаже-сдаче в аренду комнат и сведениями о погоде на неделю.

И ведь люди верили!

Хоть газеты за завтраком читала только я, девочки уже были в курсе новости. Слухи разносятся быстрее печатного слова. Принцесса удостоилась сочувственного вздоха и комментария от Лалики в духе «отмучилась, бедняжка».

Нет, я понимала, что тайна следствия превыше всего и, конечно же, убийцу ищут, а обтекаемые фразы о причине смерти – способ усыпить бдительность преступника, но читать откровенное вранье было, мягко говоря, неприятно. Насколько развита в местных фобия различных заболеваний, что даже упоминать о них не хотят. Лучше принцесса будет монахиней, чем, не приведи Всеединный, калеккой.

Лицемеры.

Лучше бы медицину развивали. Ну не верю я, что при наличии практически всемогущей магии они не могут вылечить банальное ДЦП. Если даже я на коленке сделанными заклинаниями справилась, то местные десяти- или хотя бы пятибалльные маги вообще должны исцелять движением брови. Раз не исцеляют, значит, плохо исследуют. Или вообще не заморачиваются.

Чем больше я знакомилась с местным бытом, тем больше хотелось попасть в академию. Не потому, что меня там научат чему-то новому (с моей единичкой о многих заклинаниях только мечтать), а потому, что любопытно посмотреть на саму систему профессиональной подготовки лекарей. Что-то мне кажется, трупы они не вскрывают.

На утренних и вечерних проповедях в пансионе я успела наслушаться всякого. И если пока я жила на два мира (или спала?) – пропускала всю религиозную ерунду мимо ушей, то сейчас внимала как губка. И выяснялись очень интересные вещи.

Например, тело человека после смерти трогать грешно. Максимум переодеть. Обследовать, тем более вскрывать покойников, даже умерших не своей смертью, строго запрещалось религией.

Формально государство считалось светским, то есть церковь отдельно, король отдельно. Но последние лет сто монархи так внимательно прислушивались к архиепископам, что фактически превратили Рион в теократию. Все устраивалось по слову божью, ну, кроме тех пунктов, когда нужно было делиться нажитым и любить ближнего.

И если в пансионе я еще испытывала какие-то иллюзии по поводу того, что для врачей будет сделано исключение, то как только я попала на левый берег, все воздушные замки рассеялись как дым. Во время разговоров с девочками я узнала не только об их болезнях и проблемах. Выяснилось очень много полезного о жизни в Дорсетте и за его пределами, о чем в газетах не прочитаешь и от монахинь не услышишь.

Целители как маги были на вес золота. И драли за свои услуги по-черному.

А иной медицины в Рионе не предлагалось. Были еще травницы, коновалы и цирюльники. Первые еще оказывали услуги повитух.

Коновалы, они же ветеринары, если что – лечили животных и бедных людей теми же методами. То есть выгнать глистов, перевязать рану или вправить вывих – это к ним. Болит зуб – это либо к травнице за припарками, либо к цирюльнику – выдирать. По понятным причинам все предпочитали травниц, но иногда отвары не помогали.

В огромную больницу с дежурными лекарями и новейшим оборудованием шли в самом крайнем случае.

Собственно, так в борделе оказались близняшки. Они расплатились собой за лечение матери. Она сильно болела после шестых родов, и любящий муж не придумал другого способа заработать, как сдать старших дочерей в бордель.

Я бы на его месте просто поберегла жену от частых беременностей, но кто меня спрашивает.

Зато лечили там практически ото всего. На какое-то время.

Как я уже выяснила раньше, целители залечивали повреждения и, так сказать, восстанавливали организм.

Однако имелось одно жирное но.

Если, к примеру, на руке был закрытый перелом, его зараскивали. Складывали, конечно, если он в раздробленном или смещенном состоянии, а там – как пациенту повезет. Заросло же и не болит. Сразу. А что запястье ноет на погоду и сгибается не до конца, так это уже проблемы клиента.

Когда вставал вопрос, остаться совсем без руки после коновала или получить с трудом, но подчиняющуюся конечность, люди не раздумывая выбирали второе.

Мне, например, было непонятно, чему можно научить без наглядного примера, но тут вступала в игру религия. Тело же вскрывать и резать нельзя, а как целитель узнает, что из себя представляет нормальная лучевая кость, если он ее никогда не видел? Неужели спасал магический сканер, которым я так восхищалась?

А вот с этим мне придется подождать до академии. Были у меня догадки по этому поводу.

Магия, похоже, подчинялась разуму, но как-то нелепо – до смешного. То есть если ты знаешь, что искать – какие мышцы, например, или сосуды в руке тебе нужны, – она найдет. А если ты себе смутно представляешь строение организма, она так и покажет – смутно.

Это всего лишь мои мысли, кто знает, как оно на самом деле. Но слишком уж похоже на правду. Тогда легко объясняется и невозможность моего излечения в детстве. Если лекарь

не знает, где в голове сосуды и как вообще выглядит здоровый мозг, как он может привести пациента в порядок? Это же не воспаление или порез, чтобы зажить от сырого потока силы.

Оставив теоретические вопросы на потом, я выглянула в окно и поторопила девочек. Пока не совсем стемнело, я хотела их вытащить погулять по набережной. Свежий влажный воздух будет им полезен. Они собирались неохотно, явно предпочитая полежать и отдохнуть, раз уж представилась такая возможность.

– Давайте-давайте. У вас почти неделя впереди, налегайте еще.

Я преследовала и вполне корыстный интерес. Хотелось посмотреть на окружающий нас квартал. Это я прямо сейчас сбегать не собираюсь, а через две недели кто знает, как все повернется.

Прогулка как-то не задалась. Сразу стало понятно, что в стенах дома воздух был куда чище и приятнее, чем снаружи. Пахло химией и чем-то гадостным, вроде сточных вод, а то, что я приняла за туман, оказалось густым смогом.

– Позавчера же такой гадости не было? – растерянno пробормотала я, пытаюсь разогнать липкую взвесь перед лицом ладонью.

– Так воскресенье было, – пояснила Райли. Она шла рядом со мной и периодически заглядывала в лицо, будто пытаюсь убедиться, что я на самом деле не считаю их людьми низшего сорта. – Фабрики закрыты, воздух чуток очищается. А с понедельника все по новой.

– Ты откуда такая наивная?

Дениз покровительственно похлопала меня по плечу, чуть не уронив. Силушка в ней все-таки богатырская.

– Из Блэграсса, – машинально назвала я тот городок, где купила билет.

Девочки фыркнули.

– И как только из эдакой глуши такая умная появилась? – хмыкнула будущая доминатрикс.

Я только тяжело вздохнула. Знали бы вы, девочки, откуда я такая умная на самом деле! Бежали бы с воплями ужаса, наверное.

– Ну где-то же вы отдыхаете? Не сидите целыми днями взаперти? – взмолилась я о подказке.

Дениз пожала плечами.

– Отсыпаемся мы, – пробасила она.

Я вздохнула. Тяжела жизнь проститутки. Хорошо, что один выходной в неделю мадам дает каждой. Да и то загнуться недолго. Хотя в любом случае на левом берегу долго не жили. К сорока уже покрывались морщинами от удушающего смога и теряли зубы от плохой еды. Про остальное, внутреннее, я вообще молчу.

– Я иногда на крышу хожу, – тихо призналась Райли, а я наострила уши. – Оттуда вид красивый и смога почти нет.

– Показывай, – решительно кивнула я, разворачиваясь обратно.

Нагулялись.

● Глава 8 ●

Четыре этажа старинного дома возвышались над смогом, открывая потрясающий вид на светящийся первыми вечерними огнями правый берег, тонущий в дыму левый и отражающую все это безобразное неравенство реку.

С высоты было отлично видно, что изначально оба берега планировались одинаковыми. Дом, в котором расположился бордель, зеркально повторял постройки на противоположном берегу.

Я прищурилась, разглядывая сияющую громаду белоснежного дворца. Скорее всего, вот он, виновник разделения. Богатые и знатные норовили поселиться поближе к королю, а люди попроще жили где осталось. Потом пришла пора строить фабрики – ну не будут же они дымить рядом с дворцом, право слово. Еще закоптят. Их отправили на левый берег. Вскоре они начали загрязнять воздух – и на реке возникла преграда, отделявшая загазованные нищие кварталы от чистых и опрятных богатых.

Как мне рассказала сама Лалика, гулявшая по крыше вместе с нами, маги-воздушники по очереди дежурят на правом берегу, следя за тем, чтобы ветер все время дул в нужную сторону. Хотя бы от реки влево. На правом природе позволено творить, что ей заблагорассудится. А то никаких магических сил не хватит.

Кроме капитального ремонта в гостиной, я добавила в смету еще и срочную постройку зимнего сада. Зима на носу, если сейчас засадить зеленью и не прикрыть от холодов, погибнет все. А гулять и отдыхать где-то на свежем воздухе надо.

Ничего сложного: проложить основу из металла и застеклить. Некоторые окна нужно будет сделать открывающимися – на будущее.

Не представляю еще как, но я собиралась заняться очищением города. И в прямом, и в переносном смысле.

– У вас есть какие-нибудь знакомые в пригороде? Или неподалеку есть магазины, торгующие саженцами? Пока еще не слишком поздняя осень, можно посадить какую-нибудь траву, декоративные кустарники – они тоже лучше приживаются ближе к зиме.

– Есть, как не быть. У Дениз и Милли семьи в деревне остались. Они им деньги посылают. Напиши список, велю им привезти.

Я кивнула, оглядывая еще раз крышу. Над далеким морем пламенел закат. Уходить вниз, в бытовые проблемы, не хотелось категорически. Но надо. Иначе плакала моя свобода и вложенные в нее деньги.

Где Лалика нашла каменщиков и электриков, согласившихся работать по ночам, не знаю. Но не будут же они сверлить днем, когда мы все спим. Так что уже часа три в гостиной шел полным ходом ремонт. Я надеялась уложиться в сегодня-завтра.

Когда я пришла к мадам с просьбой поставить второй генератор, она меня чуть не послала. К счастью, я успела вставить фразу «за мой счет», что решило вопрос положительно. Лалика скривилась и уточнила, что ремонт тоже за мой счет, раз уж это все – она неопределенно помахала рукой – моя идея.

Идея обошлась в два фунта из моего золотого запаса.

В воздухе витала пыль. Рабочие штробили канавки в мягком бетоне стен, чтобы проложить проводку к нишам. Потом все закроет штукатурка, так что пусть ковыряются.

Для моей задумки требовался генератор посильнее. К счастью, денег в заначке как раз хватало на ремонт и новое оборудование, и еще оставалось на прочие непредвиденные расходы, которые – я не сомневаюсь – будут.

Что творю, вкладывая последние деньги в бордель, я старалась не задумываться. Лалику в районе уважали, и, даже вздумай я сбежать, далеко не уйду. На правый берег меня не пустят, а на левом мне тогда не жить.

Вариант уехать в Провенс, конечно, актуален всегда, но, пока можно без этого обойтись, я предпочту остаться в своей родной стране.

В конце концов, не просто так же я попала именно в тело принцессы. Не прачки и не крестьянки. Значит, у меня есть в этом мире некая миссия. А выполнить ее, сбежав в другую страну, где я никто даже по рождению, мне точно не удастся.

Критическим взглядом оценив ремонт и указав на несколько неточностей в планировке – мне нужны были поворачивающиеся софиты, а стойки под них пытались привинтить намертво, а еще проводку дальше, к генератору, вели прямо по полу, толстыми шнурами, когда нужно вдоль стен, чтобы девочки не спотыкались, – я удовлетворенно вздохнула и закашлялась от ядреной пыли.

Мне уже виделся будущий зал. Не хватало мягкой мебели, но ее обещала обеспечить мадам.

Чего-то еще не хватало... Я пыталась воссоздать атмосферу клуба для элиты, но в фильмах всякие суперагенты и миллионеры первым делом обычно заказывали выпивку. Точно!

– У меня назрел вопрос. – Я повернулась к Лалике. – В вашем заведении разрешена продажа спиртного? Или это возможно только в барах?

– Конечно в барах! – брезгливо надулась Лалика. – Кроме того, мне совершенно не нужны неприятности. Напьются, будут буянить...

– На такой случай у нас есть вышибалы. И потом, одно дело напиться в комнате – тогда, я согласна, девочки будут в опасности. И совсем другое – выпить пару бокалов в общем зале, в компании, под хорошую закуску... А бары навынос выпивку дают? Или, например, могут кейтеринг организовать?

– Кого? – не поняла мадам.

Я нетерпеливо отмахнулась, загоревшись идеей. Не может такого быть, чтобы в местных не совершенных еще законах не нашлось для нас лазейки.

– Скажите мне, какой самый-самый приличный бар в округе? Где меньше всего драк и не развлекают выпивку?

Лалика недоуменно пожала плечами. Я невольно перевела взгляд на мордоворот за ее спиной. Женщинам же, наверное, в такие места нельзя, даже проституткам. Или проституткам как раз можно? Запуталась я в истории и реальности. Ничего, опытным путем выясним.

– У Доннели лучшее пиво во всем районе Оксо, – пробасил один из мордоворотов.

Я благодарно кивнула и накинула свое пансионское пальто. Еще заметка на завтра – заказать новую одежду. Девочкам – для работы, себе – для жизни. Ничего не успеваю, ужас!

Заматавшись поплотнее в шарф, я двинулась к двери. Медленно.

– Возьми с собой Пэдди, – ожидаемо произнесла Лалика мне в спину. Рядом со мной моментально вырос молчаливый бугай с увесистыми кулаками. Надо бы к ним присмотреться, чтобы хоть различать, если что. – В одиночку ночью ходить по левому берегу небезопасно, особенно молодой девушке.

Ну да, а про то, что я могу сбежать, она даже не подумала, конечно.

Куда я денусь с подводной лодки. Хорошо, будет кому дорогу показать.

На пороге я обернулась.

– Надеюсь, у вас найдется самый свежий сборник законов Риона? Мне бы хотелось с ним ознакомиться. Потом, когда вернусь.

Мадам только озадаченно кивнула. Похоже, за моей мыслью она не поспевала.

Неудивительно. Мы привыкли жить в совершенно другом ритме. Телевизор, компьютер, под это все еще телефон одним глазом – для нас нормально усваивать тонны информации за

минуты. Поначалу, когда я только сюда перенеслась, страдала от натуральной информационной и сенсорной ломки. Первую чуть облегчала библиотека, но созерцая день ото дня одних и тех же людей, стены и пейзаж – я просто лезла на стену. Ни тебе фейсбук полистать, ни попы инстраграмные оценить. Скукота.

Мое появление в самом солидном баре левого берега вызвало нездоровый ажиотаж. Я порадовалась, что взяла с собой Пэдди. Молчаливо, но угрожающе сопящая тень за моей спиной отпугивала даже сильно подвыпивших любителей потискать мягонькое, что уж говорить о трезвых. Те по стеночке, осторожно, стали пробираться на выход.

Владелец, рыжий конопатый здоровяк, не дотягивавший, впрочем, до сопровождавшего меня Пэдди, недовольно глянул на нас поверх протираемого им стакана. Как же, клиентуру распугиваем.

– Мне что-нибудь покрепче и попримечнее, моему сопровождающему... – Я вопросительно оглянулась на бугая, он отрицательно покачал головой. Молодец, на рабочем месте ни-ни. – Сок.

Я присела на высокую барную табуретку не без труда. Она явно не была рассчитана ни на мой птичий рост, ни на юбки.

Бармен налил мне в крохотный стаканчик что-то прозрачное, а к Пэдди пододвинул что-то густое и желтоватое в высоком фужере. Ближе к смузи, а не соку. Ну да, все натуральное – внутри, скорее всего, выжатое яблоко с мякотью. Или груша.

Я выдохнула и решительно выпила предложенное одним махом. Даже занюхивать не понадобилось. До водки градус явно не дотягивал. Хорошее пиво. Или скорее соджу, судя по прозрачности.

Пэдди задумчиво отхлебнул сока, кивнул в ответ на мой взгляд – мол, не разбавлено. Я мило улыбнулась рыжему за стойкой.

– Вы владелец этого чудесного заведения?

От неожиданности – девица не только не подавилась выпивкой, но и связно разговаривает – бармен сам поперхнулся и смог только согласно кивнуть.

– Давайте пройдем куда-нибудь, где нет посторонних ушей, и обсудим мое небольшое, но весьма заманчивое для вас предложение.

– Разумеется, леди.

Рыжий склонился в легком поклоне и указал рукой направление, куда-то в глубину бара. Я не стала его поправлять. Хочет считать меня аристократкой – пусть его. Тем более что технически он прав.

* * *

Из отведенной мной самой на реформы недели уже прошло четыре дня, и новая гостиная, точнее, зал для приема дорогих гостей начал вырисовываться из-под ремонта.

Следующим пунктом моей программы стало, собственно, составление программы. Какой бы я крутой номер ни задумала, на нем одном мы не выедем. Нужно занять аристократию хотя бы на час, как в театре, а лучше на два. Пущенный по моей просьбе на правом берегу слух обещал незабываемые впечатления и острую новизну для всех посетителей. Лалика ошутимо нервничала – простой на неделю обещал ей неприятности с «крышей», но поскольку платит она помесечно, шансы выкрутиться еще были. Я нервничала еще больше, но упорно делала вид, что все идет по плану.

Мне терять, если что, пришлось бы куда больше.

Вечером третьего дня я села в своей новой комнате, которая была обставлена куда роскошнее старой кельи в пансионе, и, положив перед собой на туалетный столик чистый лист бумаги, крепко задумалась.

Для начала выписала все, что я помнила о борделях моего мира. Получилось не очень много – темой я как-то не увлекалась. В соседнюю колонку пошло все, что я знала о выступлениях звезд и подобных мероприятиях. Подтанцовка, слабые группы в самом начале на разогрев, потом, собственно, звезда; и прочие разрозненные факты. Многие клиентки салона во время процедур любили поболтать, особенно если маска или крем в рот при этом не лезли. А поскольку заходили к нам в большинстве своем богатые дамочки, всякого рода тусовки и концерты составляли основную часть их повседневности.

Лист начинал радовать заполненностью.

Я потянула следующий из стопки. За четыре дня нам нужно подготовить костюмы, отрепетировать хоть несколько танцев с девочками. Я одна час прыгать по сцене не потяну. Да и на мои кости вряд ли кто посмотрит с восхищением. Нынче в моде плавные, женственные округлости, крохотный ротик и огромные глаза. По критерию глаз я проходила, все остальное, увы, оставляло желать лучшего. Мне-то оно и не надо – я нарочно делала себе не привлекательное по местным меркам лицо, но публика-то хочет лицезреть красоток.

А округлостей у меня пока что и вовсе не наблюдалось.

Значит, нужно искать «звезд».

Лалику я отловила утром, как раз перед тем, как она отправилась спать. Бордель по-прежнему жил по ночному расписанию, просыпаясь ближе к обеду и засыпая на рассвете. Менять уклад жизни и ритм сна из-за какой-то недели никто не захотел.

В принципе, и правильно. Это же какой стресс для организма! Нужно бы и мне, кстати, временно перейти в такой режим, на ближайший год точно. Пока в академию не поступлю.

– Нам нужны еще женщины, – огорошила я ее прямо на пороге кабинета.

Выпученные в изумлении глаза я оценила по достоинству и проскользнула мимо нее, открыв пошире дверь, которую она собиралась уже захлопнуть.

– Зачем нам еще девочки? У нас и места-то столько нету, – пролепетала мадам, чуть придя в себя.

Она обошла меня, присматриваясь, будто опасалась, что я чем-то болею. Психологическим.

Ну да, такая нежная фиалка, которая норовит набить бордель под завязку товаром. Культурный шок.

– Не для этого, – поспешила я ее успокоить. – Нам нужны костюмы для выступления, а значит, швеи, официантки, кухарки в конце концов. Еду-то мы подавать здесь можем, я проверяла.

Я и в самом деле успела проштудировать весь свод законов. По сравнению с УК РФ он казался тоненькой брошюрой. Суды еще не успели набрать достаточное количество прецедентов для всех поправок. Сами органы правосудия еще столетия не отпраздновали: раньше все тяжбы между аристократами разбирала Королевская Дознавательная служба, а мелкие дела вообще решались на месте, стражниками. Когда население начало прирастать, стало понятно, что такая система не работает. Появился свод законов, а потом из Королевской Дознавательной службы отпочковалась дочка, Королевская Судебная палата. Дела там решались только глобальные, которые требовали разбирательства с доказательствами, защитой и обвинением. То есть банальную драку в баре разбирали на месте те же стражники, и штраф выписывался всем участникам. А кража, например, расследовалась, если находился подозреваемый, и дело шло в суд. Практически как у нас. Только вот обвинительных приговоров было подозрительно много по сравнению с оправдательными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.